Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Суббота, 15 мая 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 26 (662)

Выкорчевать без остатка

Враг народа, двурушник-троцкист Авербах и его ближайшие сподручные насаждали в литературе отвратительные, гнусные нравы. Они выращивали подхалимов и приспособленцев, вносили в литературную среду чванство, нетерпимость к критике, заражали литературную действительность миазмами разложения, нечисти и гнили. Зазнайство, лицемерие, двурушничество, приспособленчество, бюрократизм, нетерпимость, наглость, — вот слагаемые «стиля работы» врага народа Авербаха, разоблаченного двурушника, развенчанного «литвождя» группы Ясенского, Киршона, Афиногенова и других.

На страницах «Литературной газеты» в ряде статей и сообщений наших корреспондентов мы уже указывали, насколько широко проникли авербаховские приспешники в наши литературные организации. О множестве фактов этого порядка было рассказано на последнем заседании литературоведов и критиков в Ленинграде, на собрании ленинградских драматургов.

Антипартийную вредительскую работу подручные Авербаха вели в республиканских организациях. Враги народа Коваленко и Сенченко «работали» на Украине, в Татарии — Гумер Галеев, в Бурят-Монголии — Солбоне Туя, в Кабардино-Балкарии — Дж. Налоев, в Марийской республике — Карпов, Мухины и другие.

Нужно до конца очистить ряды литераторов, работников искусства от авербаховщины. Некоторые элементы «стиля работы» авербаховских приспешников остались в нашей среде. Нетерпимость к самокритике, грубый окрик вместо помощи и деловой критики, бюрократизм, семейственность — все это еще находит место в наших организациях.

Творческое соревнование в рядах советской литературы иногда подменяется организационной шумихой, в работе многих организаций сильны еще элементы групповщины. Все это мешает нормальному развитию советской литературы.

Авербаховщина принесла советской литературе большой вред. Авербаховцы формально-бюрократическими разговорами о «диалектико-материалистическом литературном методе» отвлекали писателей от изучения реальной жизни. Они мешали выработке подлинно творческого и ответственного отношения писателей к своей работе.

Перед нами стоит серьезная задача проанализировать под этим углом зрения произведения неразоружившихся авербаховцев. Нужно посмотреть, как их теории находили непосредственное отражение в их художественной практике. Этот предметный урок будет поучительным для всей советской литературы.

На-днях на совместном заседании партгруппы правления ССП и парткома союза писателей были исключены из партии, как авербаховцы, ведшие вредительскую антипартийную деятельность в литературе, Бруно Ясенский и В. Киршон.

Необходимо пересмотреть самым внимательным образом не только их «теоретическую» работу, но и художественную практику. Разве роман Бруно Ясенского «Человек меняет кожу» не сработан теми методами, которые насаждали в литературе авербаховцы? Разве к нашей советской действительности Бруно Ясенский не подошел с грубыми и пошлыми схемами? Разве не попытался он богатое содержание социалистического строительства национальной советской республики втиснуть в рамки буржуазного детективного романа?

Фальшивы и лживы образы романа. Разве такие комсомольцы были в действительности, какими изобразил их Бруно Ясенский? Разве так росли молодые национальные кадры?

Еще не разоблачены по-настоящему теорийки Афиногенова и Киршона. Нужно еще раз пересмотреть сегодня пресловутый рапповский театральный документ, автором которого был Афиногенов. Книга Афиногенова «Художественный метод театра», засорившая головы не одному театральному критику, дезориентировавшая не одного драматурга, художественного руководителя театра, актера, по сей день не раскритикована.

Разве случаен тот факт, что пьеса Афиногенова «Ложь» так и не увидела театральных подмостков? Лицемеря и двурушничая перед литературной и театральной общественностью, на словах признавая решения ЦК партии от 23 апреля правильными, на деле реализуя гнусные авербаховские «установки», Афиногенов свои личные переживания лжеца и двурушника пытался представить типическими. Так возникла у него пьеса «Ложь».

Под этим углом зрения следует посмотреть его пьесу «Далекое», расхваленную бандитом Пикелем. Разве тезис Афиногенова «ищи в злом доброго и в добром злого» не нашел своего отражения в «Далеком»? Классовый враг, показанный Афиногеновым в этой пьесе, изображен с помощью этого рецепта.

А что представляет собою драматургия Киршона? Разве не авербаховский схематизм лежит в основе его «Чудесного сплава»? «Суд» — пьеса, посвященная капиталистическому Западу, так же надумана и схематична. В ней нет ни грана того, что называется искусством, — правдивого отражения реальной действительности.

Вся эта «художественная» продукция имела своих критиков. Каждое произведение Бруно Ясенского, Афиногенова, Киршона и других превозносилось, тщательно анализировалось, как некое откровение, подводились какие-то «теоретические» базисы под все это, с позволения сказать, творчество.

В «теорийках» авербаховцев мы найдем переплетение троцкистских идеек с бухаринскими установками, и задача нашей критики, всего союза писателей состоит в том, чтобы до конца расчистить литературную теорию и критику от всех троцкистско-бухаринских извращений.

В этой связи следует обратиться также к литературно-критической деятельности бывших литфронтовцев. Схематизм, лакировка действительности, снятие реальных противоречий жизни в искусстве — вот к чему призывали теоретики литфронта.

Они требовали изображения не человеческого характера, сложившегося в определенной социальной среде, а схемы человека, как носителя социальных тенденций. Это находило свое отражение в творчестве. Разве не этими чертами характеризуется, помимо всех прочих недостатков, пьеса Безыменского «Выстрел»?

Все эти вопросы должны привлечь внимание союза писателей, критиков, литературоведов. Без расчистки почвы от всякого «теоретического» хлама немыслим правильный, нормальный рост советской литературы. Без этого немыслимы новые победы советской литературы и советского искусства.

Антифашистские писатели — гости Немреспублики

Недавно закончился чрезвычайный X с'езд советов АССР немцев Поволжья.

Для участия в работах с'езда, который обсудил и принял новую Конституцию Немреспублики, правительством АССР немцев Поволжья были приглашены немецкие антифашистские писатели Вилли Бредель, Фридрих Вольф, Теодор Пливье, Гуго Гупперт, драматург Ю. Гай и недавно приехавший в СССР австрийский антифашистский поэт Фритц Брюгель.

Делегаты с'езда (заседавшего в недавно выстроенном здании Немакад. гос. театра в г. Энгельс) радушно и горячо встретили своих гостей-писателей.

С большой речью на с'езде выступил **Вилли Бредель.**

Теодор Пливье, проживающий несколько месяцев в одном из колхозов Марксштадтского кантона и работающий над романом о жизни немцев-колхозников, выступил с боевым приветствием.

Гуго Гупперт прочел с трибуны с'езда поэму, посвященную сталинской Конституции первой немецкой социалистической республики.

В президиум с'езда из Парижа поступила приветственная телеграмма от **Генриха Манна** следующего содержания: «Передайте мой привет и радостное поздравление Автономной социалистической советской республике немцев Поволжья. Чрезвычайный с'езд советов утвердит Конституцию республики. Эта Конституция мне кажется образцом политической свободы и социальной справедливости, гарантированных гражданам республики. Немцы Поволжья служат примером всем немцам во всем мире.

Я сердечно желаю широко оповестить народ в Германии о вашем примере и распространить там текст вашей Конституции. Это вселяет бодрость и уверенность, что ныне порабощенный фашизмом народ создаст по-человечески осмысленное государство. **Генрих Манн**».

После принятия Конституции на торжественном заключительном заседании с'езда Немецкий академический государственный театр показал для делегатов с'езда антифашистскую пьесу Фридриха Вольфа «Троянский конь» в постановке режиссера Б. Рейх.

Комсомол и союз писателей Немреспублики устроили в честь гостей два больших литературных вечера, на которых выступили тт. Бредель, Брюгель, Гай и Гупперт, а также молодые поэты Немреспублики К. Клейн, Г. Генке, Гейслер, Леонгардт и др.

На втором вечере писатели составили приветственное письмо мужественному антифашисту **Людвигу Ренну**, сражающемуся на мадридском фронте в рядах республиканской армии.

О поэзии А. Прокофьева

В СЕКЦИИ ПОЭТОВ

В прошлом номере «Литературной газеты» уже сообщалось, что на собрании московских поэтов 4 мая членами нового бюро поэтической секции были избраны (по количеству полученных голосов) тт. М. Голодный, А. Сурков, Н. Асеев, И. Уткин.

На собрании 13 мая были доизбраны еще три члена бюро: тт. А. Гидаш, А. Алтаузен и И. Сельвинский.

После сформирования нового бюро собрание немедленно перешло к творческим делам. В повестке дня стоял вопрос о творчестве А. Прокофьева. Вопрос этот поднят в связи с появлением в «Комсомольской правде» статьи Ал. Раховича, в которой подвергаются критике псевдонародные тенденции в поэзии Прокофьева. В первый день обсуждения успели высказаться тт. Заболоцкий, Молчанов и Черемнорцев.

Вчера с речами о творчестве Прокофьева и о народности советской поэзии выступили тт. А. Сурков, И. Уткин, М. Пустынин, С. Гитович, С. Городецкий и др.

На собрании присутствовали недавно приехавшие в Москву поэты Ленинграда, Украины, Горького и Иванова.

Подробный отчет будет дан в следующем номере.

Ученики Наманганской средней школы № 32 (Узбекистан) Малюда Атаханова, Абдурахим Календаров, Гавхар Саидханова читают на своем родном языке сказки Пушкина.

Фото М. Пенсона (Союзфото).

В парткоме Союза писателей

Ясенский и Киршон исключены из партии

Партком и партгруппа ССП занимались в течение нескольких недель тщательным изучением материалов, характеризующих деятельность ярых апологетов авербаховщины — Бруно Ясенского и Киршона.

На последних заседаниях были подведены итоги расследованию дела. Из путаных, противоречивых, явно лживых показаний Ясенского на заседании от 11 мая и выступлений тт. П. Юдина, В. Ставского, В. Вишневского. Г. Лахути, Кулагина, М. Розенталя и др. выяснились новые обстоятельства, не оставляющие никаких сомнений насчет личности Ясенского. Это настоящий проходимец, человек без родины и убеждений, беспринципный себялюбец, готовый все принести в жертву своему мещанскому гонору и маленьким интересам.

В его биографии, довольно темной и таинственной, имеются и такие «страницы», как восьмимесячное пребывание добровольцем в рядах польской армии, борющейся против советской власти, как принадлежность к фашистскому об'единению писателей при польском посольстве в Париже, систематические связи с шпионами, которые либо его устраивали, либо им устраивались, и т. д. и т. п.

При всей своей способности к казуистическим приемам, Ясенский не мог опровергнуть на заседании парткома ССП тот факт, что он получал гонорар за польское издание книги «Я жгу Париж», вышедшее с предисловием известного фашиста Каден-Бандровского, он не мог привести никаких мало-мальски убедительных доводов против обвинений его в подпольной антипартийной работе совместно с Авербахом; он вынужден был признать перед лицом документов, оглашенных т. В. Ставским, что в польскую армию он попал отнюдь не по мобилизации, что квартира его стала убежищем для всякого рода предателей и врагов и т. д.

В свете всех этих фактов становится еще более понятной и вся политика, проводившаяся Ясенским в журнале «Литература мировой революции», куда он был назначен в качестве редактора тем же Авербахом. Это была политика отсечения лучших элементов левобуржуазной культуры, политика иезуитского опорочивания всего лучшего в коммунистическом движении, подрыва авторитета даже таких благородных и честных бойцов пролетариата, как Анри Барбюс.

Ничего «случайного», как пытался представить Ясенский на заседании парткома, в его деятельности не было: это была последовательная система обмана партии, двурушничества, издевательства над коммунистической этикой. Единственным вознаграждением за такую деятельность может быть только позорное изгнание из рядов партии. Это решение партком принял единогласно.

Одновременно партком признал справедливыми обвинения секретаря краснопресненского райкома ВКП(б) т. Симочкина, подчеркнувшего в своем выступлении, что только в результате беспечности и недальновидности парторганизации Союза писателей Ясенский мог попасть в состав нового парткома.

На заседании от 11 мая был также рассмотрен вопрос об авербаховце Корабельникове. За антипартийную групповую деятельность в литературе и личную долголетнюю связь с Авербахом партком решил об'явить Корабельникову строгий выговор с предупреждением.

13 мая на заседании парткома Союза советских писателей обсуждался вопрос об активнейшем участнике авербаховской группы В. Киршоне и об его фракционной антипартийной деятельности. Несмотря на то, что об этой деятельности Киршона уже подробно говорилось на совещании московских драматургов, на заседании парткома выявились новые вопиющие факты.

Киршон всегда и везде заявлял, что он по всем партийным вопросам всегда шел с партией. Однако теперь обнаружилось, что в 1921 году Киршон голосовал за троцкистскую платформу в дискуссии о профсоюзах.

Киршон утверждал, что никогда не встречался с троцкистским бандитом Пикелем, а потом обнаружилось, что он неоднократно встречался с ним на различных собраниях в драмсекции.

Киршон имел многолетнюю личную связь с врагом народа Авербахом. Его окружали Макарьев, Мазнин, Коваленко и другие ныне разоблаченные презренные троцкисты.

Перед лицом множества неопровержимых фактов Киршон вынужден был в своей речи признать, что он зажимал критику, что он зазнался, что он был близким другом Авербаха, что его деятельность была антипартийной, вредительской, троцкистской.

Однако Киршон не был искренен в своей речи. Он признавал только то, в чем его уже разоблачили, говорил только о тех фактах, которые уже стали помимо него известны. Ничего нового он не рассказал. Киршон попытался изобразить себя только слепым орудием и проводником авербаховщины. Его вовлекали, его обманывали, он — жертва, так изображал свою роль Киршон.

Киршон попытался по-адвокатски защищаться различными старыми документами и характеристиками своей работы. Совершенно смехотворным было заявление Киршона о том, что сам он ни одного рапповского лозунга не изобрел и не выдвинул. Как будто в этом заключается дело.

Речь Киршона не вызвала у членов парткома и партгруппы ССП никакого доверия к нему.

В ряде выступлений на заседании антипартийная работа Киршона была освещена с разных сторон.

Тов. **Кирпотин** привел несколько фактов прямых открытых выступлений Киршона против партии, против решения ЦК партии о ликвидации РАПП, против Алексея Максимовича Горького.

Представитель парторганизации 39-го завода, где раньше состоял Киршон, т. Ходоров рассказал о том, что Киршон на заводе был редким гостем, являлся только на торжественные заседания, в роли свадебного генерала. Он не выполнял элементарнейших обязанностей члена партии, не вел никакой работы в своей партийной организации, по 3—4 месяца не платил членских взносов, упорно уклонялся от перехода в парторганизацию союза писателей, вопреки решению МК ВКП(б). Когда после совещания московских драматургов в парторганизации стали спрашивать Киршона о существе пред'явленных ему драматургами обвинений, он попытался смазать этот вопрос.

Тов. **В. Ставский** в своей речи обратил внимание собравшихся на то, что Киршон все рассказывает только под нажимом, что он не разоблачает авербаховщину, утаивает правду. **Киршон, в частности, не рассказывает о том, что делалось и говорилось на антипартийных авербаховских совещаниях, о том, как там пытались дискредитировать руководителей партии. К Киршону нет и не может быть никакого доверия.**

С большой речью выступил т. **П. Юдин.** Он указал, что с точки зрения элементарных требований устава партии Киршон уже давно перестал быть членом партии. Он приезжал три-четыре раза в год в парторганизацию завода, платил членские взносы и уезжал, вот все его отношение к организации, в которой он состоял.

Киршон порвал с партией, с ее уставом.

Далее т. Юдин подробно охарактеризовал авербаховщину как законченную организационно и политически систему троцкизма в литературе. Авербаховцы стремились диктовать в литературе свою, противоположную линии партии, линию. После роспуска РАПП они стремились сохранить свою организацию, вплоть до самого с'езда писателей в активной форме существовал параллельный троцкистский центр в литературе. Стремились организационно подорвать Оргкомитет. Руками Мирского, грязного врангелевца, белогвардейского офицера, сделали попытку политически дискредитировать Фадеева за то, что он решительно порвал с Авербахом. Стремились дискредитировать В. Ставского, Ф. Панферова. Растранжиривая государственные деньги вокруг создания книги о Беломорканале, с помощью Ягоды пытались оторвать от Оргкомитета ряд писателей; это была система политического развращения.

Авербах воплотил в себе характернейшие черты троцкистского двурушника. Киршон был вторым человеком после Авербаха.

Авербах зря с людьми не дружил, он стремился их использовать. В этом свете надо посмотреть на связанных с ним людей. Тов. Юдин считает, что партком поступил неправильно, оставив Корабельникова в партии.

Тов. **Сурков** напомнил, что Киршона и в РАПП считали барином, дельцом, политиканом. Он же указал, что у Киршона и Афиногенова на протяжении ряда лет была одна душа, что Киршон и Афиногенов отстаивали бандита Пикеля, когда его не хотели принять в союз писателей.

Вс. Вишневский охарактеризовал дело Киршона и налитпостовской группы как только часть той троцкистской работы, которую вели враги народа. Он напомнил о той системе троцкистских выпадов, которая была организована против Маяковского, Серафимовича, Панферова, Фурманова, о борьбе против Р. Роллана, Анри Барбюса и т. д. Всю эту цепь фактов надо распутать и внести полную ясность.

На заседании выступили также тт. Розенталь, Аргутинская, Березовский и др.

После обобщающего выступления секретаря парткома тов. **Кулагина** партком принял решение об исключении Киршона из партии, за активную антипартийную борьбу вместе с врагом народа Авербахом против постановления ЦК партии от 23 апреля 1932 года, за руководство контрреволюционной троцкистской группой в литературе, за полный отрыв от партии, за скрытие голосования троцкистской резолюции в профсоюзной дискуссии 1921 года, за долголетнюю связь с врагами народа, как человека переродившегося и по своему существу антипартийного.

Партком отметил в своем решении, что партгруппа правления ССП целиком ответственна за то, что, имея сигналы об антипартийной деятельности Киршона в драмсекции, беспечно относилась к его работе, в течение длительного периода не ставила вопроса о его партийности и о его работе в драмсекции.

Исключение Рафили из Союза писателей

(От нашего бакинского корреспондента)

На одном из последних заседаний правления союза советских писателей Азербайджана обсуждался вопрос о поведении Рафили, дискредитирующем звание советского писателя.

До последнего времени Рафили протаскивал в литературу идеи контрреволюционного пантюркизма, находился в тесной дружбе с такими врагами народа, как Ахундов, которому даже посвятил свой научный труд, яростно выступал против азербайджанской народной поэзии, отстаивал формалистические тенденции и т. д.

Помимо этого Рафили всячески старался создать в литературной среде склочную атмсферу, не останавливался перед самым бесстыдным подхалимством и систематически совершал хулиганские вылазки. В свое время Рафили был уже исключен из рядов союза за то, что, работая в аппарате Азгиза, избил т. Межнунбекова при исполнении последним служебных обязанностей. При помощи своих друзей — врагов народа Ахундова, Якубова, Гусейнова Рафили захватил также квартиру рабочего-стахановца завода им. Парижской Коммуны Медведева, выбросив на улицу обстановку Медведева и пытаясь избить его жену.

Обсудив все эти факты, правление ССП Азербайджана постановило исключить Рафили из рядов союза.

Вечер памяти Ильи Чавчавадзе

16 мая в Доме советского писателя (ул. Воровского) состоится юбилейный вечер в ознаменование столетия со дня рождения выдающегося грузинского писателя Ильи Чавчавадзе.

Вечер откроет секретарь ССП СССР т. Г. Лахути.

Доклад о творчестве Ильи Чавчавадзе сделает т. Бесо Жгенти.

Переводы стихов Ильи Чавчавадзе на русском языке прочтут поэты Б. Брик, Державин, Сурков, Шервинский. Стихи на грузинском языке прочтет народный артист Грузии тов. Шалва Дадиани. К. Чичинадзе прочтет стихи, посвященные Илье Чавчавадзе.

С чтением отрывков из произведений Ильи Чавчавадзе выступят народные артисты СССР — В. И. Качалов, О. Л. Книппер-Чехова и И. М. Москвин.

В концертном отделении примут участие солисты Большого театра СССР — Д. Бадридзе и С. Гоциридзе.

Роспуск правления Литфонда

На секретариате ССП СССР

Заседание 13 мая было назначено на час дня. На повестке стоял один давно уже наболевший в писательской среде вопрос о деятельности Литфонда.

К моменту открытия заседания оказалось, что отсутствуют многие члены правления Литфонда. Тт. Оськину и Ляшкевичу было дано срочное задание собрать отсутствующих. Однако они добились немногого. Через сорок минут заседание открылось снова, но ни т. Альтмана, ни т. Касаткина, ни т. Ильенкова, как и некоторых других членов литфондовского правления, среди присутствующих не было.

Позднее из доклада директора Литфонда т. Оськина выяснилось, что названные товарищи вообще-то в Литфонде не работают, и фактически вся деятельность правления держится на плечах Вс. Иванова и Жиги и еще двух-трех человек.

Выяснилось также, что сигналы прессы (см. «Литературную газету» от 10 мая и «Комсомольскую правду» от 12 мая) о неблагополучном положении в Литфонде соответствуют действительности.

Товарищ Оськин должен был признать, что Литфонд оторван от писательской массы; что в деятельности его много серьезных политических провалов (в правлении орудовали темный делец Крючков и его ставленник Хапалов; ссуды раздавались врагам народа — троцкистам), что возвратные и безвозвратные ссуды даются без учета действительной нуждаемости писателя и значимости его творчества, и что, наконец, союз писателей фактически работой Литфонда не руководил.

Вмешательство секретариата в литфондовские дела ограничивается распоряжениями о выдаче тому или иному писателю ссуды.

В результате неправильного руководства Литературный фонд СССР, «призванный оказывать материально-бытовую и культурную помощь советским писателям, способствующую их творческому росту», не выполняет поставленых перед ним задач.

Выступившие в прениях писатели Вс. Иванов, Бахметьев, Либединский, Рудерман, Зозуля подвергли резкой критике литфондовскую практику.

По их словам, работники Литфонда менее всего интересуются творческими делами членов ССП.

Приближается XX-летие Великой Пролетарской революции. Вся страна, а вместе с ней и писатели готовятся к этой замечательной исторической дате.

Литфонд однако и здесь проводит свою политику «невмешательства в творческие дела». Он ни разу не поинтересовался, как работают писатели над произведениями, какие материальные и бытовые неполадки мешают их работе над пьесами, рассказами, поэмами, посвященными XX-летию Октября.

В писателе литфондовцы видят прежде всего просителя. Поэтому вполне понятно заявление т. Панова: «Итти в Литфонд не хочется. Туда приходишь, как в канцелярию, не чувствуешь никакой заинтересованности в твоей работе».

Особенное внимание, казалось, Литфонд должен был бы оказывать молодым писателям. Однако этого нет.

Правильно заметил т. Накоряков, что литературный фонд больше уделяет внимания писателям, «вышедшим из литературы», прекратившим по различным причинам свою литературную работу, нежели писателям начинающим.

Поддерживая это замечание, Вс. Иванов указывает, как на одну из причин выдачи ссуд халтурщикам и окололитературным людям, на засоренность писательских рядов. Вряд ли с подобным утверждением можно согласиться.

Оставляя в стороне вопрос о том, все ли члены ССП достойны звания советского писателя, мы считаем: факт неоднократной выдачи ссуд литературным жучкам об'ясняется прежде всего деляческой политикой Литфонда.

Большинство выступавших законно недоумевало, почему Литфонд так «либерально» относится к взысканию просроченных ссуд.

Тт. Хаскин, Накоряков и др. настаивали на немедленной и полной ликвидации всех писательских долгов.

Не возражая в принципе против этого предложения, т. Ставский считает, что при взыскании долгов нужно с большой осторожностью подходить к каждому писателю, учитывать его материальное положение.

Работа Литфонда, по мнению т. Ставского, нуждается в коренном переломе.

Секретариат постановил за бездеятельность правление Литфонда распустить.

Новое правление будет выбрано на ближайшем заседании президиума.

ОВ.

Армянский поэт средневековья Фрик

4 мая правительство Армянской ССР вынесло чрезвычайно важное постановление: Институту истории и литературы поручено подготовить к изданию сборник стихотворений армянского поэта Фрика.

В постановлении специально сказано, что в сборник должны быть включены как изданные, так и рукописные произведения Фрика, в том числе находящиеся в собраниях и хранилищах за границей.

Книга стихов Фрика, крупнейшего армянского светского поэта средневековья, выйдет в 1937 году.

В редакционную комиссию вошли: тт. Н. Дабагян, проф. М. Абегян, Генри Габриэлян.

V съезд РСДРП

30 лет тому назад, 13/V 1907 года, начался в Лондоне V съезд РСДРП.

В. И. Ленин о задачах V съезда

Мы пришли на съезд с двумя давно известными партии тактическими линиями. Неумно и недостойно рабочей партии скрывать разногласия и прятать их. Сопоставим яснее обе точки зрения. Выразим их в применении ко всем вопросам нашей политики. Подведем ясные итоги партийному опыту. Только так мы выполним свой долг и положим конец шатаниям в политике пролетариата.

(Из речи В. И. Ленина на 15 заседании V съезда, Собр. соч. В. И. Ленина, т. XI, стр. 242).

Товарищ Сталин об итогах V съезда

Фактическое объединение передовых рабочих всей России в единую всероссийскую партию под знаменем РЕВОЛЮЦИОННОЙ социал-демократии — таков смысл Лондонского съезда, таков его общий характер.

(«Записки делегата» —протоколы V съезда РСДРП. Партиздат, 1935 г. Стр. X).

30 лет тому назад

Весна. Год 1907.

В разных уголках необ'ятной России — одной шестой мира — собираются нелегальные сходки и выбирают делегатов на конференции; подпольные конференции, рискуя провалом (некоторые провалились), выбирают делегатов на нелегальный с'езд; 500 членов партии выбирают одного делегата — именно 500, никак не меньше; нелегальный с'езд соберется где-то за границей — о России не могло быть и речи.

Делегаты со всех сторон устремляются в Москву и Петербург, чтобы потом перебраться через границы.

И заветный мандат везет с собой каждый из 300 делегатов: обязательно с указанием числа членов партии, делегировавших избранного, и непременно с печатью пославшей организации.

Нас строго и настойчиво предупреждали, что мандатная комиссия будет не своя, а меньшевистская или с небольшим нашим большинством, придирок не оберешься (так это и вышло), поэтому — все формальности должны быть выполнены безотказно! И мы выполняли.

Попасться полиции с таким мандатом было опасно. Поэтому мы вшивали мандаты где-нибудь подмышкой, прятали в полу пиджака, заделывали в переплет какой-нибудь наиневиннейшей книги.

Необыкновенный энтузиазм нес нас всех на своих крыльях. Мы понимали, что надо преодолеть все шатания в партии, об'единить все революционные силы рабочего класса России в одну крепкую, монолитную партию, а колеблющихся отбросить.

Это было предприятие, которое теперь кажется почти чудесным: нелегальный с'езд с участием более 300 делегатов от 150 тысяч членов партии, 20 дней занятий. Сколько всяких рогаток и препон надо было преодолеть! И преодолели.

Буржуазные лондонские газеты очень много сочиняли о нашем с'езде, распространяли о нас всякие небылицы.

Я помню характерную фотографию в одной уличной газете.

Орехово-зуевские ткачи послали делегаткой на с'езд скромную текстильную работницу лет 18, Лизу Горячеву (по с'езду Лиза Окружная), — она теперь на ответственной хозяйственной работе. Проворный фоторепортер поймал ее на кодак, с ее длинной девичьей косой, в скромном костюме, и под рисунком сделал надпись, что это — страшная революционерка, которая накануне произнесла зажигательную речь.

В характеристике Лизы борзый писатель не ошибся, хотя она и не произносила в тот день указанной речи. Но Лиза была носительницей революционной энергии рабочего класса, той энергии, которая потом бурно проявлялась через «Правду» и «Звезду», той энергии, которая в 1917 году разгромила капиталистов в России.

Н. КАРЖАНСКИЙ

ДЕКАДА УЗБЕКСКОГО ИСКУССТВА В МОСКВЕ

Творческое единение братских республик

Декада узбекского искусства, начинающаяся в Москве 21 мая, познакомит нас с богатейшим народным и профессиональным творчеством Узбекистана.

Пребывание в Москве деятелей искусства и литературы Узбекистана должно быть широко использовано московской писательской общественностью.

Союз советских писателей СССР возглавит ряд мероприятий, направленных к сближению и укреплению дружеской и творческой связи между русскими писателями и узбекскими поэтами, драматургами и артистами.

Находящийся в Москве заведывающий культпросом ЦК Узбекистана т. Берегин беседовал на-днях с ответственным секретарем ССП СССР т. Ставским и пом. ответственного секретаря союза т. Аршаруни. Результатом этой беседы явился конкретный план участия союза писателей в узбекской декаде.

14 мая с ее участниками встретится делегация московских писателей В числе других в нее входят члены узбекской комиссии ССП СССР, побывавшие в этом году в Узбекистане, — тт. В. Гусев, В. Инбер, Б. Левин.

В двадцатых числах мая в Доме советского писателя состоится прием узбекских драматургов, поэтов и видных деятелей искусств. На вечере, который откроется речью Г. Лахути, будут прослушаны новые переводы из узбекских поэтов.

ССП СССР пригласил к участию в декаде узбекского искусства в Москве писателей Я. Коласа, П. Тычину, С. Вургуна, Г. Табидзе и др.

★

11 мая в союзе советских писателей состоялась встреча представителей узбекской печати тт. М. Г. Гафиза («Правда Востока») и Адыль Рахими («Кзыл Узбекистан») с тт. В. Ставским и Г. Лахути.

В беседе т. Ставский подчеркнул, что советские писатели с нетерпением и громадным интересом ждут начала декады узбекского искусства.

Советские писатели во время декады детально ознакомятся с искусством Узбекистана, обсудят то, что увидят, сравнят достижения Узбекистана с тем, что показали уже Грузинская, Украинская и Казахская республики.

Встреча московских писателей с товарищами из Узбекистана укрепит творческую связь, значительно ускорит разрешение всех вопросов, связанных с переводами узбекских произведений на русский язык и русских писателей — на узбекский.

До сих пор связь ССП СССР с республиканскими союзами писателей, в частности с ССП Узбекистана, была неудовлетворительной.

Недостаточная осведомленность в общественной и творческой жизни узбекских писателей привела к тому, что ССП СССР плохо руководил и мало им помогал.

— Наши собрания и активы, — говорит т. Ставский, — в центре и на местах показали, что союзы писателей работали неудовлетворительно не только как организации общественно-политические, но и как творческие организмы.

Нам следовало лучше беречь наши ряды от влияния людей сомнительных в политическом отношении. Авербаховщина, пустившая глубокие корни в литературе, дала себя чувствовать и на Украине — в лице Коваленко, и в Грузии — Буачидзе, и в Армении — Алазан. Этот урок показал, что нам нужно всегда быть бдительными.

Г. Лахути говорит о громадном расцвете и богатстве народного искусства в Стране Советов.

На примере русских и узбекских писателей т. Лахути указывает на то, что стремление уйти в далекую историческую тему свидетельствует о плохом знании действительности, о недостаточном овладении актуальным советским материалом.

ССП СССР должен оказать конкретную творческую помощь узбекским писателям в их работе над произведениями о современном родном Узбекистане.

ХРОНИКА ДЕКАДЫ

★ **Для участия** в декаде уже прибыли двумя специальными поездами артисты Музыкального театра и Филармонии. Остальные участники декады приедут на-днях.

★ Во время декады состоятся выступления узбекского национального оркестра в составе 112 человек, играющих на разнообразных национальных инструментах.

★ Москвичи познакомятся с двумя замечательными народными узбекскими певцами Мулятом Тойчи и Дамуловой Халим и сказителем, народным поэтом Бахши Абдула Шайер.

★ Для участия в декаде прибыли в Москву драматурги Яшин Исмаилов, Анкабай, Саилов, Фатхулин поэты — Гайрати, Алимджан, Уйгун, Эльбек, Усман Насыров, Айбек, Айдин и писатель Кахаров.

★ Спектакли будут происходить с 21 по 28 мая в филиале Большого театра Союза ССР, а с 28 по 30 мая — в Большом театре. Выступления и показы будут проведены также в клубах крупнейших предприятий Москвы.

★ Во время декады будут показаны достижения художественной самодеятельности и народного творчества. Исполнители отобраны в музыкальных школах, районных театрах и колхозах. В частности, колхозник Раим Алабергенов под аккомпанемент национального музыкального инструмента «кайрака» будет исполнять народный танец. Хорезмская колхозница Ураз Гуль выступит в инсценировке «Гулянщом».

★ Грандиозное представление, в котором примут участие свыше 800 человек, будет дано 1 июня в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха им. Горького.

★ Выступления участников декады будут засняты на кинопленку.

Литературный Ленинград

На собрании прозаиков

Прозаики составляют самую значительную по своей численности и удельному весу группу в ленинградском отделении союза советских писателей. Между тем, именно эта группа писателей не имела своей творческой секции, которая содействовала бы их сплочению и политическому воспитанию, которая организовала бы их повседневную творческую работу.

Об этом говорил Б. Лавренев, открывший организационное собрание секции прозаиков.

Естественно, что собрание не могло пройти мимо дезорганизаторской деятельности троцкистско-авербаховской группы в литературе.

М. Чумандрин, один из руководителей бывшего РАПП, активный проводник авербаховского влияния в Ленинграде, говорил очень пространно об авербаховщине и о своих собственных ошибках, но его выступление не удовлетворило писателей.

Эпически-спокойный тон его речи, по мнению **М. Слонимского,** никак не соответствовал той ответственности перед ленинградскими писателями, которая лежит на Чумандрине. Злобные выступления Чумандрина после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. хорошо запомнились всем. Сегодня Чумандрину надо было говорить конкретнее, ни о чем не умалчивая.

— До последнего времени, — заявляет М. Слонимский, — у нас орудовала группа ныне разоблаченных врагов, которая ставила своей задачей разобщить писателей, оторвать беспартийных писателей от писателей-коммунистов. Рапповские методы не были изжиты в литературной практике. Редактируемая Е. Добиным газета «Литературный Ленинград» постепенно превращалась в типично рапповский орган.

О растлевающем влиянии авербаховщины на нашу прозу, которое необычайно сужало диапазон художника, ограничивая и обескровливая его творчество, говорит на собрании и **В. Каверин.**

— М. Чумандрин перечислял вреднейшие лозунги РАПП, но ничего не сказал о том, как он сам проводил их в жизнь.

Еще совсем недавно в ленинградском союзе писателей старое, сейчас разоблаченное руководство вело линию на замалчивание и охаивание произведений острых, построенных на актуальном политическом материале. Одновременно восхвалялись книги нейтральные, холодные, обывательские.

О рапповских рецидивах и пережитках подробно говорил и **Н. Брыкин,** остановившийся на конкретных примерах связи с Авербахом ленинградских рапповцев — О. Бергольц, Е. Добина, Л. Левина и др. Касаясь выступления М. Чумандрина, Н. Брыкин считает, что бывшему рапповскому «вождю» надо было резче осудить свою антипартийную работу.

На собрании выступили также **И. Груздев, С. Марвич, Л. Борисов, Н. Вагнер** и др.

Н. Свирин, заключая собрание, не без основания указал, что все же об Авербахе и о тех, кто от его имени орудовал в Ленинграде, говорилось мало и недостаточно остро.

Среди ленинградских писателей была сильная группа, целиком и полностью несущая ответственность за всю деятельность РАПП. Этой группе надо заново пересмотреть свои лозунги и практику и дать им четкую политическую квалификацию.

Сидит на собрании и помалкивает В. Великин, который был оргсекретарем ФОСП и проводил там рапповскую линию. После ликвидации РАПП он стал работать в редакции «Истории фабрик и заводов», кичась своей близостью к Авербаху.

— Чумандрин и Либединский, — говорит Н. Свирин, — лучше нас знали Авербаха и должны были первыми разоблачить его. Но, рассматривая работу каждого деятеля бывшей РАПП, надо диференцировать людей и остерегаться перехлестываний. Чумандрин не изжил еще многого из того, что в нем воспитала РАПП. Но в то же время не следует забывать, что именно М. Чумандрину принадлежит одна из главных ролей в деле разоблачения партийной организацией Горелова.

★

На собрании был поставлен вопрос об общественно-бытовом поведении и моральном лице советского писателя.

Опубликованное в «Комсомольской правде» письмо о «личной жизни писателя И. Шухова» вызвало возмущение всей литературной общественности Ленинграда.

— Гнусность описываемых деяний Шухова, — говорит **Б. Лавренев,** — превосходит все, что можно вычитать даже в уголовных романах. Эти вопиющие факты заставляют союз внимательнее, чем когда бы то ни было, присмотреться к поведению людей, входящих в нашу организацию.

В качестве примера морального падения человека, еще недавно выпускавшего книги, Б. Лавренев приводит беспробудно пьянствующего Г. Куклина.

Н. Брыкин напомнил собранию о безобразном поведении исключенного на-днях из союза писателей В. Андреева.

В ленинградской организации долгое время состояли Б. Корнилов и В. Князев, которые доказали, что от пьяного дебоша и богемы до фашизма — расстояние весьма короткое.

★

Прозаики обсудили задачи своей секции.

Новая секция прозаиков должна помочь созданию крепко спаянного творческого содружества писателей.

— Мы должны, — заявляют писатели, — превратить секцию в свой дом, куда каждый несет и свой замысел, и свою обиду, и свой труд.

В бюро секции избраны **М. Слонимский, В. Каверин, Н. Брыкин, Л. Рахманов, Ю. Берзин, Л. Раковский и П. Лукницкий.**

В ближайшее время в Изогизе выходит альбом **«Испания».** Значительная часть фото и текст издания принадлежат И. Эренбургу.
На снимке: «В Университетском городке».

У детских писателей

Совещания по вопросам детской литературы при Центральном комитете ВЛКСМ, собрания активов Детиздата в Москве и Ленинграде показали, что на ленинградском участке детской литературы не все благополучно.

О наболевших вопросах в жизни детских писателей говорилось много и часто, но, как это ни странно, все, что волновало детских писателей, **проходило мимо секции детских писателей ленинградского ССП.**

Состоявшееся собрание детских писателей показало, что, в сущности, **секции, как писательской организации, не было.**

Произошло какое-то сращение секции детских писателей с Лендетиздатом. Председатель секции С. Маршак являлся одновременно литературным руководителем Детиздата, а прежний директор Лендетиздата т. Желдин был «кооптирован» в бюро секции, хотя он не был членом литературной организации.

В результате почти вся творческая работа сосредоточилась в издательстве, что в свою очередь приводило к своеобразной монополии литературных вкусов и творческих установок, вызывавшей справедливое недовольство писателей.

К полному падению авторитета секции привели систематические нарушения основ советской демократии. Большинство членов бюро не работало, узкая группа товарищей, осуществлявшая руководство, не любила самокритики и оторвалась от широких кадров детских писателей.

Председатель секции **С. Маршак** должен был признать: у детских писателей нет ощущения, что их секция — это творческое об'единение людей, увлеченных решением важнейшей государственной задачи — созданием литературы для советского ребенка.

Самой большой ошибкой руководства, по мнению т. Маршака, было то, что руководители не заостряли внимания детских писателей на важнейших принципиальных вопросах. В секции не было творческой жизни. Споры, которые велись в секции, редко подымались на должную принципиальную высоту. Мы не воспитывали мировоззрение людей и тем самым не ограждали нашу среду от вторжения людей чуждых и враждебных.

К сожалению, детские писатели не услышали отчетного доклада т. Маршака, по болезни отсутствовавшего на собрании и обратившегося к нему с кратким письмом.

Не охватил всей суммы вопросов и содоклад зампреда бюро **Н. Григорьева,** а содоклад секретаря секции **А. Серебрянникова** вызвал недоумение. При отдельных верных замечаниях его выступление свелось к путаным и неаргументированным высказываниям, свидетельствующим о том, что А. Серебрянников не удосужился сколько-нибудь подготовиться к докладу.

Создавшаяся в секции обстановка требовала серьезного анализа и четких политических выводов.

Даже после таких сигналов, как разоблачение в рядах секции заклятых врагов народа Матвеева, Р. Васильевой, Белых и Рахмиловича, не была развернута политическая работа. Это позволило врагу Спиридонову (Теки Одулок) до последних дней вести свою подрывную деятельность в среде детских писателей. Спиридонов пытался использовать недовольство группы молодых детских писателей работой издательства и секции, чтобы внести раскол и дезорганизовать писательские ряды. Для этого он пытался подчинить своему влиянию наименее устойчивые элементы в секции, например писателя Шорина, об антиобщественном поведении и пьянстве которого много говорилось на собрании.

Когда И. Шорину предложили на собрании об'яснить свое бытовое поведение, он вздумал всерьез доказывать собранию, что у него «расшатаны нервы», а потому «нет ничего удивительного, если он пьянствует». Такое неожиданное в устах «детского писателя» заявление вызвало общее негодование.

★

На собрании выступила т. **Бабушкина** (Отдел печати ЦК ВЛКСМ). Она дала характеристику положения в секции детских писателей Ленинграда, подчеркнув, что секция не справляется со стоящими перед ней большими задачами.

Надо делать политические выводы из каждой ошибки, из каждого прорыва.

Непонятно, как мог выступавший на собрании С. Безбородов даже не упомянуть о серьезной ошибке, допущенной им при подборе иллюстраций для журнала «Костер».

Напрасно на собрании так мало говорили о конкретных книгах ленинградских писателей. Между тем известно, что в произведениях талантливого писателя В. Бианки звучат антисоциальные мотивы. Б. Житков не так давно включил в свою книгу вредный рассказ «Удав», получивший резкую оценку «Правды». Д. Хармс в последние годы не создал ни одного сколько-нибудь политически значительного произведения.

— Вообще, — замечает т. Бабушкина, — ленинградские писатели работают не в полную силу. Есть люди, которые за последние три—четыре года ничего не написали, а продолжают считать себя писателями и требуют, чтобы издательство их кормило.

Говоря о большой роли С. Маршака в строительстве советской детской литературы, т. Бабушкина подчеркивает, что Маршак не только крупный мастер-писатель, но и талантливый своеобразный редактор. Однако большая его ошибка заключается в том, что он ведет свою редакционную работу «с глазу на глаз» с автором, не делая ее общественным достоянием.

Основной порок детской секции — в отсутствии принципиальной размежевки и принципиального об'единения ее членов. Этим воспользовался враг Спиридонов, раздувавший беспринципную обывательскую «борьбу».

По настоянию собрания И. Шорин, К. Золотовский и др. выступили с об'яснениями по поводу своих взаимоотношений со Спиридоновым. Но их об'яснения были невнятны.

Останавливаясь на вопросах политической бдительности, **Н. Свирин** указывает, что работе врагов народа в секции помогала и та гнилая «теория», из которой исходил А. Серебрянников: в детской литературе, мол, все благополучно, нет в ней и врагов. Но дело не в одном Серебрянникове. В детской секции было особенно неблагополучно по части самокритики, и в этом значительная доля вины т. Маршака.

Талантливому детскому писателю всегда приходилось выступать в роли учителя, давать указания сверху вниз, и он не учел того, что следует внимательно прислушиваться и к критике снизу, к голосу молодых и даже начинающих авторов.

★

Детские писатели плохо готовятся к 20-летию Великой Пролетарской революции.

Н. Свирин обратил внимание собрания на наличие множества «белых пятен» в детской литературе.

Секция должна поставить перед собой задачу окончательного выкорчевывания авербаховских корешков. На участке детской литературы рапповские методы сказались в навязывании грубой дидактичности, в гонении на все радостное, яркое, подлинно художественное, в неверных, вредных теоретических установках, задерживавших расцвет детской литературы.

★

Представителем рапповщины в детской литературе была О. Бергольц. Но на собрании она предпочла говорить о своих мнимых заслугах в детской литературе. Даже свои статьи в «Литературном Ленинграде», осужденные литературной общественностью и комсомольской печатью, статьи, в которых явственно звучало рапповское заушение, О. Бергольц склонна считать, при частных ошибках, «в основном полезными». Очень туманно и завуалированно говорила она также о своих связях с Авербахом и его присными.

★

Надо сказать, что собрание, несмотря на ряд интересных выступлений (П. Капица, М. Ильина, Е. Шварца и др.), все же прошло недостаточно активно и не охватило всего круга вопросов.

Вновь избранному бюро **(Е. Шварц, Г. Мирошниченко, Н. Олейников, Вс. Вальде и Э. Выгодская)** предстоит общественно активизировать деятельность секции, бездействовавшей в течение долгого времени.

ВИЧ.

И. АНИСИМОВ

«Черная кровь»

«Черная кровь» выдвинула Луи Гийу в первый ряд современных французских романистов. Это вынуждены признать даже те, кто вовсе не склонен соглашаться со взглядами автора, примыкающего к антифашистскому народному фронту.

«Черную кровь» можно считать первым всесторонним и полным проявлением возможностей писателя, и все, что Гийу написал за десять предшествующих появлению «Черной крови» лет, подготовляло возникновение книги, мимо которой уже нельзя пройти. «Черная кровь» созревала долго.

Гийу начал с повести «Народный дом» (1927). Это простая и бесхитростная книга. В ней рассказано о тяжелом детстве, о погоне за куском хлеба, о лишениях, среди которых вырос Луи, сын сапожника. Скупо, но ясно очерчен фон повести: быт рабочей окраины, рабочее движение, социалистический кружок. Действие повести обрывается в мрачные июльские дни 1914 года.

Эта первая повесть имеет характер пролога — почти все, что пишет Гийу впоследствии, включая и «Черную кровь», связано с темой империалистической войны. К этим годам писатель обращается постоянно. Видимо, они были для него школой жизни, наложившей отпечаток на все его развитие. В «Сокровенной тетради» (1930) война составляет зловещий фон действия, развертывающегося в глухой провинции. В «Приятелях» (1931) война — уже прошлое, но следы ее неизгладимы, она оказала глубокое влияние на людей, которых показывает Гийу. «Черная кровь» переносит нас в обстановку пятнадцатого-шестнадцатого года. Об империалистической войне Гийу говорит с ненавистью, он видит в ней самое полное раскрытие варварства капитализма, он видит всю гнусность шовинистического обмана. И находит слова, образы, чтобы выразить свое возмущение.

«Черная кровь» — книга крупного масштаба. Писатель хотел вместить в нее весь опыт своих наблюдений над жизнью, высказать в ней всю свою муку и всю свою ненависть и показать, в чем же он видит выход из окружающего его кошмара.

В «Черной крови» дан ряд тесно переплетенных друг с другом сюжетных линий, в книге много отступлений, внутренних монологов, неожиданных перемен интонаций, резких и обнаженных переходов от трагического к самому глубокому фарсу. В этом своеобразном строении романа, в стремлении превратить его в сплошной поток образов, картин, самых разнохарактерных изображений, в стремлении придать этой движущейся массе характер полной «непосредственности», — во всем этом очевидно влияние новейших «открытий» западно-европейского романа. В этом смысле показателен даже внешний вид текста «Черной крови»: главы, не имеющие внутренней законченности и отделенные одна от другой только белыми пустотами, абзацы, занимающие подчас несколько страниц, и т. д. Но с упадочным «новаторством» современной буржуазной литературы, оказавшим влияние на «Черную кровь», Гийу находится в резком и прямом противоречии. Вот почему книга Гийу существом своим направлена против широко распространенных в западной литературе канонов джойсизма, прустизма и пр. Это — книга ненависти к буржуазному миру, книга, беспощадно разоблачающая.

Важнейшей особенностью потока изображений, который дан в книге Гийу, является то, что реальное нередко смешивается здесь с откровенной фантастикой. В тех случаях, когда автор хочет дать особое напряжение рассказа, он переносит его в план фантастического гротеска.

Перед нами провинциальный город в годы войны. Жизнь лицея. Учителя. Почти все они являются, кто из трусости, кто из желания выслужиться, шовинистами. Школу они превратили в фабрику шовинизма.

Гийу с нескрываемым отвращением говорит об этих растлителях молодежи. Гийу пишет свой памфлет сильно и остро. Вот господин Набюсэ, один из самых уважаемых преподавателей лицея. Он носит маску гуманиста и любит говорить о «торжестве культуры». Но этот господин, хвастающийся тем, что он напишет поэму о солнце, является пошляком, мерзавцем, подхалимом. Он шпионит за своими коллегами, нет такой гадости, на которую он не пошел бы ради своей карьеры. К тому же он безграмотен и бездарен.

За Набюсэ следуют другие. Вот грязный сладострастник Мока, единственной культурной потребностью которого является наклеивание марок на тарелки. Вот Глатр, занимающийся вырезыванием картинок из журналов мод. Он проводит целые часы, придумывая самые хитрые комбинации, складывая из этих картинок эротические сцены. Вот жалкий Бобино, шовинистический кликуша, развлекающийся дома «фехтованием с собственной тенью».

«В помешательстве этих людишек было что-то гнетущее, это повод не для смеха, а для негодования». Эта авторская ремарка показывает, какой обнаженностью отличаются образы в книге «Черная кровь». Автор никогда не скрывает своего отношения к происходящему и любит доводить зрелище уродства, человеческого падения до жуткого гротеска. В самых гротескных сценах, в самых издевательских и злых описаниях Гийу остается на почве действительности. В этом огромная вескость тех выводов, которые заставляет сделать роман. Негодование писателя, который принадлежит к мастерам культуры, связавшим свою судьбу с народом, здесь законно и неизбежно.

Главная цель господ Набюсэ, Мока и подобных им — сохранить свое благополучие. А дело происходит в очень беспокойное время. Сквозь весь роман проходит цепь эпизодов, в которых мы видим солдат, отправляющихся на фронт, в этой массе начинает пробуждаться сознание, что война ведется в интересах капиталистов, из уст в уста передаются рассказы о бунтах в армии, повсюду зреет грозное недовольство. Эта линия «Черной крови», показывающая где симпатии автора, освещает весь роман как бы заревом пожара.

Над всеми возвышается грандиозная фигура Мерлэна Крипюра, преподавателя философии. В Крипюре есть что-то уродливое. И вместе с тем это человек, сумевший понять все безобразие мира, в котором он живет. С самого начала Крипюр сложен. Он отталкивает и привлекает.

Мы видим, что этот провинциальный философ, не в пример своим коллегам, глубоко культурен. Он написал ряд книг и пишет новую, в этой книге он намерен высказать все, что думает о современном мире. Этот «труд всей его жизни» носит название «Хрестоматия отчаяния». Временами Крипюр колеблется, не назвать ли книгу иначе: «Щелчок в нос» или «Смерть крысам». Он циник. Он ни на что не надеется. И если в молодости он написал книгу о «вдохновенном отшельнике Тюрнье», романтике, который предпочел мечту действительности, о возвышенной и чистой любви его к Мерседес, то теперь он начисто отказывается от этого своего романтического увлечения.

Крипюр очень решителен в своей критике и беспощаден в своих уничтожающих оценках. Он есть живой «вызов обществу». Но в злых разоблачениях Крипюра есть какое-то внутреннее бесплодие. Их беспредельный цинизм (Крипюра недаром называют «профессором распущенности») лишает их той яростной силы, которую всегда приобретает слово борца.

Он страшно одинок, он отщепенец, в его горьких суждениях о мире есть много правды, но цинический нигилизм Крипюра обессмысливает всю его критику и тесно связывает Крипюра с тем «гнилым миром», который ему столь ненавистен. Он хочет «бежать», «порвать», но он не может этого сделать. В этом трагедия Крипюра.

Здесь Гийу дает поразительно верное и глубокое раскрытие внутренней опустошенности, глубочайшего маразма той части западной интеллигенции, которую мы видим, например, в произведениях, да и в самом облике современных циников.

Важнейший момент романа, кульминационная точка его — это пощечина, которую Крипюр дает Набюсэ. Все приходит в движение. В целой серии быстро сменяющихся картин показан ход событий, подготовка дуэли, отношение всех к поступку Крипюра. Всего более интересны здесь переживания самого Крипюра. Он думает, что это — «пощечина миру». Он придает своему поступку символическое значение. Но это не значит, что Крипюр вышел из порочного круга, что он, наконец, «порвал». Напротив, он погружается еще глубже в циническое свое отчаяние, и страницы романа все чаще заполняются «психологическими пейзажами» в духе Достоевского, бредом и кошмарными видениями Крипюра.

Появляется подобие сологубовской Недотыкомки, неведомо откуда взявшаяся русская «тройка». Действительность теперь лишь мерцает за густой завесой какой-то темной фантастики. Выступает на авансцену сумасшедшая старуха де-Виллаплан, ее жалкая и бредовая любовь к молодому авантюристу Каминскому, его самоубийство. Все это также сделано со смутными намеками на Достоевского («разыгрывается русский роман»), с использованием «экзотических» русских слов: «голубчик», «извозчик». Все спутывается в клубок кошмара. «Весь мир стал сумасшедшим домом».

Видимо, автор стремился передать здесь мрачный хаос последних дней Крипюра, но художественно вся эта нарочито усложненная часть романа бледнее остального. Не этим подражанием Достоевскому и современным западным декадентам силен Гийу.

И, как луч света, прорезает безрадостный финал (Крипюр кончает самоубийством) заключительная фраза «Черной крови»: «Уже более часу, как пароход Люсьена снялся с якоря». Слова эти заставляют читателя вспомнить о том, что прямой линией прошло сквозь весь роман. У Гийу есть определенная положительная позиция, которая позволила ему с такой глубиной вскрыть всю гнусность «мокричьего» существования. В «Черной крови» с самых первых страниц до концовки развертывается большая и патетическая тема молодых людей нового мира, людей, в которых возрождается человеческое достоинство.

Люсьен Бурсье, которого война сделала инвалидом, порывает со своими родителями, ибо отец его пошляк и лжец. Франси Монфор пишет гневные стихи против империалистической войны; он не хочет больше «итти на поводу».

Стремления этой молодежи еще бесформенны. Юноши поднялись против отцов своих и против буржуазного мира, еще не зная, с каким оружием пойдут они в бой. Все они пережили глубокий кризис («Я не знаю, зачем я живу на свете», — говорит Этьен) и все они пытались получить у Крипюра, своего учителя, ответ на проклятые вопросы. С полной убедительностью Гийу показывает, что крипюровское отрицание враждебно борьбе за новый мир, что крипюровщина, свойственная многим современным западным интеллигентам, является препятствием к освобождению мастеров культуры от ига капитализма.

В романе Гийу с большой силой и убедительностью осуществлено противопоставление безрадостного, гнилого «мокричьего» мира и перспектив будущего, во имя которого борются и будут бороться Люсьены Бурсье и Франси Монфоры. Это противопоставление, сделанное мощно, показывает, насколько широк и значителен охват романа.

Роман Луи Гийу, в скором времени выходит в Гослитиздате.

О чем говорили еврейские писатели

Приходится удивляться тому обстоятельству, что секретариат правления ССП не нашел нужным послать своего представителя на собрание еврейских писателей, длившееся четыре дня.

Созванные для перевыборов бюро секции еврейские писатели по сути дела **подводили итоги развития еврейской литературы** за последние годы, подняли всю сумму вопросов, в разрешении которых они кровно заинтересованы.

Не замазывалось ни одно явление, если оно в какой бы то ни было мере свидетельствовало о рецидивах групповщины, семейственности, если оно выражало тенденции, порочащие литературную общественность.

В резкой и конкретной форме поставлен был и вопрос о разоблачении авербаховщины, имевшей и в еврейской литературе своих агентов, осуществлявших на этом участке свою разрушительную работу.

Руководству ССП было бы небесполезно ознакомиться со всеми этими фактами, вообще войти, как говорится, в курс дела, воспользовавшись таким случаем, как четырехдневное совещание. Но оно этого не сделало и дало лишний аргумент тем, кто на собрании и без того подвергал жестокой критике деятельность секретариата ССП и отмечал, в частности, его невнимательное отношение к еврейской секции, находящейся тут же под боком.

Беспощадному обстрелу подверглась, в первую очередь, деятельность самого бюро секции, секретарем которого в течение трех лет являлся **И. Нусинов.**

Старейший пролетарский писатель Ю. Иоффе и один из крупнейших поэтов Э. Фининберг, а за ними и другие члены секции — тт. Росин, Персов, Годинер, Добрушин, Стрелиц, Рубина, Ойслендер и др. говорили о несостоятельности бюро, о бесплодности его начинаний, о «рыбьем темпераменте», с которым оно реагировало на сложнейшие процессы и явления в литературе.

Бездеятельность бюро привела к разобщенности еврейских писателей, к успокоенности значительной части критиков, избегающих ставить актуальнейшие проблемы современности, и к созданию атмосферы, в которой трудно было работать людям, не желающим подменять принципиальность дипломатическими увертками.

Тт. Гурштейн, Любомирский, Маркиш, Литваков, Винер и Хашин (четверо последних, кстати, и сами являлись членами старого бюро) привели примеры, ярко иллюстрирующие недостойные нравы некоторых литераторов, способных платить клеветой, сплетней, грубостью за неодобрительный отзыв об их произведениях.

Не в состоянии было также бюро пропагандировать достижения еврейской литературы, использовать с этой целью трибуну литературных конференций и совещаний.

Абсолютно отсутствовала политико-воспитательная работа, что, естественно, вело к притуплению бдительности, облегчало возможность орудовать таким авантюристам, шпионам и врагам народа, как Макс Эрик, Дунец, Зискинд Лев и др.

Четырехдневная страстная дискуссия показала, что московская секция начинает отчетливо понимать, какие серьезные задачи она призвана осуществить в настоящий период, какую ответственность она несет за судьбы всей советской еврейской литературы.

Этим чувством ответственности будет, несомненно, руководиться в своей практике и переизбранное бюро секции еврейских писателей, в состав которого вошли тт. **Бергельсон, Гурштейн, Годинер, Литваков, Маркиш, Нусинов, и Оршанский.**

ДЕЛЬМАН.

Джемс Холанд — «Участники Уэльского голодного похода в Гайд-парке». (Выставка английской революционной графики в Музее новой западной живописи в Москве).

«Личная жизнь»

Письмо **В. Р.**, появившееся в «Комсомольской правде» 9 мая под названием **«Личная жизнь писателя Шухова»**, взволновало писательскую общественность Москвы.

Письмо это приковало всеобщее внимание к вопросам, поднятым в свое время А. М. Горьким в его гневных статьях о литературных нравах.

Секретариат ССП поставил именно эти вопросы, не предусмотренные повесткой дня, на своем последнем расширенном заседании.

Дело Шухова снова и снова сигнализирует, как это и подчеркнул тов. В. Ставский, об отсутствии достаточной бдительности у литературных организаций, о неумении занять своевременно четкую, принципиальную позицию в отношении людей, чье поведение требует самого пристального внимания.

Прошлое Шухова неоднократно давало поводы к энергичному вмешательству. Его зазнайское игнорирование конкретных указаний Горького на недостатки его произведений, дружба с фашистом и бандитом Павлом Васильевым, его пьяные похождения требовали не тех половинчатых мероприятий, на путь которых стало Правление союза. Последнее получило вместе со всей литературной общественностью новый наглядный урок того, к чему приводит политика недоговоренности, замалчивания, паллиативов.

Этот урок следует не упускать из виду особенно теперь, когда на литературном фронте развертываются события большой политической важности, когда перед нами стоит задача уничтожить всякую возможность приспособленчества и маскировки со стороны врага.

В. Ставский останавливается, в частности, на вопросе об авербаховщине, сыгравшей роковую роль в создании атмосферы, порождающей и питающей всякого рода Шуховых. Нужно до конца разгромить остатки троцкистской авербаховщины, вырвать их с корнем. Нужно заново пересмотреть и продумать путь отдельных литературных группировок, фракций и т. п.

Не миновать, например, большого и серьезного разговора с бывшими организаторами, вдохновителями и членами «Литфронта». Выясняются новые обстоятельства работы этой организации. Известно, что враги народа вроде Ломинадзе ориентировали своих прихвостней на «Литфронт».

Нужно расследовать это дело, разобраться в нем со всей отчетливостью. Это оздоровит нашу литературную среду, позволит добраться до корешков авербаховщины и литфронтовщины, создаст действительно творческую и товарищескую среду, спаянную единством интересов, мужественно отстаивающую чистоту писательских рядов.

В ближайшие дни, по решению секретариата, состоится общемосковское собрание писателей, на котором во весь рост будет поставлен вопрос о литературных нравах.

Не подлежит сомнению, что московские писатели четко сформулируют свое понимание писательской этики, единственно возможной в стране социализма.

Р.

Уничтожить шуховщину!

С чувством глубокого возмущения прочли мы 9 мая в «Комсомольской правде» о позорном поведении писателя И. Шухова. Мы выражаем свое негодование по поводу того, что возможны еще в нашей среде подобные явления.

Мы убеждены, что случаи скотского отношения к женщине были бы немыслимы, если бы среди нас не оставалось больше женщин, изолированных от коллектива.

За год существования об'единения жен писателей нам, к глубокому сожалению, пришлось столкнуться с несколькими возмутительными фактами, требующими разоблачающего вмешательства общественности.

Сталкиваясь с безобразными бытовыми явлениями в писательской среде, мы сигнализировали о них руководству ССП СССР, привлекая его внимание к недопустимому поведению его членов по отношению к женам и детям. Но обычно в этих случаях нам отвечали, что это «личное дело писателя» или что следует обращаться в народный суд.

Так было с судебным делом **Киршона**, которое он возбудил против своей жены Корнблюм с целью отнять у нее ребенка. Внимательно ознакомившись с этим делом в суде, мы обратились в ССП, так как считали, что оно бесспорно переросло рамки «личного дела». Однако ССП не сделал из нашего обращения никаких выводов.

Вторично мы обратились к руководству ССП в связи с одним случаем, с которым столкнулись, производя по поручению Литфонда обследование жилищно-бытовых условий писателей. Мы оказались свидетелями бытового разложения писателя Г., ударившего при нас свою больную жену. Об этом случае мы довели до сведения партийного руководства ССП, но, насколько нам известно, дело осталось пока без последствий.

Вести борьбу с такими явлениями долг каждого сознательного советского гражданина. Прямая обязанность общественного женского коллектива поддерживать и воспитывать женщину.

Мы с удовлетворением можем указать на один случай, когда мы сумели оказать женщине моральную поддержку, благодаря которой она нашла в себе силы порвать со своим мужем. Он упорно и долго убеждал ее в полной непригодности к какой-либо полезной деятельности, кроме возни с примусом, и недостойно вел себя по отношению к ней.

Сейчас этот наш товарищ справляется с ответственной работой, одновременно учась. Она сама говорит о том, что коллектив помог ей стать полноценным человеком.

Вот почему политико-воспитательная работа среди женщин — основная задача об'единения женщин-общественниц.

Не переоценивая своих сил, мы глубоко убеждены, что если бы нам удалось вовлечь всех без исключения писательских жен в общественное движение, мы тем самым оздоровили бы наш быт и создали атмосферу, при которой никакая «шуховщина» не была бы возможна.

СОВЕТ ЖЕН ПИСАТЕЛЕЙ

В СОВЕТЕ ЖЕН ПИСАТЕЛЕЙ

10 мая в ДСП состоялись выборы в совет жен писателей.

После вступительного слова Э. Я. Финк собрание заслушало отчет четырех секций.

Е. А. Санникова рассказала о работе детской секции, Л. П. Амаглобели сообщила о работе комиссии в библиотеке завода «Красный пролетарий» и на выставке «Реконструкция Москвы», Г. Г. Алперс отчиталась о работе в помощь столовой ДСП, а К. А. Розанова-Марцишевич — о работе по обследованию жилищно-бытовых условий писателей.

Общим собранием было решено избрать совет жен писателей в количестве 11 человек. Закрытым голосованием избранными оказались только 9 человек: Т. В. Иванова, Е. А. Санникова, Э. Я. Финк, Н. В. Гребнер, Л. П. Амаглобели, Л. А. Аргутинская, А. Д. Нейштадт, Г. Г. Алперс, М. Л. Новикова-Прибой.

Выборы двух членов совета жен будут проведены в ближайшие дни.

А. ЭРЛИХ

Литпитающиеся

1

Штормовым ветром самокритики сорваны и срываются многие тайные завесы, вскрывается истинный облик некоторых литераторов — принципиальных бездельников или энергично функционирующих деляг, окололитературных приживальщиков, опытных хапунов, просто графоманов, бессовестных лицемеров, людей с грязными, мелкими и подлыми душонками, спекулирующих на великом уважении советской страны к искусству, к творчеству, к литературе.

Писатель, в личной жизни которого — грязь, мерзость, лень, невежество, жестокость, чванство, мелкие жалкие и постыдные интересы, ничтожные, ползающие и пресмыкающиеся мысли, — такой писатель не может быть сколько-нибудь значительным и в творчестве своем.

Иван Шухов, топтавший беременную жену, уморивший своего ребенка, устроивший при содействии родственников издевательский «суд» над надоевшей ему женщиной, не сможет вызвать доверия даже к самым страстным своим страницам о любви, о нежности, о благородстве, о чистых и гордых чувствах нового, в шуме революционной эпохи рождающегося, человечества.

В. Луговской, сбивший с ног ударом кулака 72-летнего сторожа В. И. Букреева только за то, что старик не хотел и не мог пустить его без установленного пропуска на территорию строящегося писательского дома, тоже внушает сомнение в искренности своих будто бы благородных и высоких стихов.

«Инженером человеческих душ» может быть только автор безукоризненной честности, глубоких и высоких мыслей, человек, одинаково искренний и в жизни и в творчестве. Самая жизнь советского писателя должна быть непрекращающейся войной против низких и мелких чувств, против самомнения, лживости, лицемерия, беспринципности, алчности, мещанского себялюбия и равнодушия.

Советский автор, содействующий творчеством своим формированию свободного от вековой капиталистической накипи человека будущего, уже сегодня должен быть таким человеком будущего. В самом себе, в личной жизни, в поступках и действиях своих, в жизненной и творческой борьбе он должен уже теперь проявлять этот цвет или, по крайней мере, эту завязь будущего. Конечно, очень трудно придется многим товарищам, если ценить их по столь высокой мерке.

Может ли быть хорошим писателем человек, сторонящийся жизни, равнодушный ко всему на свете, с мелкими мыслями и мелкими интересами? В состоянии ли создать истинно волнующее литературное произведение романист, топчущий жену,—автор, чье поведение роднит его с подонками из уголовного мира, или поэт, избивающий старика?

Из ничтожных мыслей ничего хорошего вырасти не может. Сколько бы лет ни стучал по ночам «Ундервуд» за дверью таких писателей, не надо обольщаться, не следует надеяться, великие или просто значительные произведения возникнут не отсюда.

Теперь-то уже всем раскрылась тайна существования многих молодчиков от литературы: 12 миллионов годового бюджета Литфонда — вот главный источник их благополучия. Чтобы питаться отсюда из года в год, оказывается, не надо обладать ни особыми заслугами, ни особо достойными качествами. Требуется только одно качество: отсутствие порядочности.

Здоровые молодые люди без видимых угрызений совести праздно живут в стране, являющей пример высокого, невиданного, исторического трудового под'ема.

Ал. Поповский, проведший за один только год 230 дней в санаториях и домах отдыха, уплатил за это из личных средств целых 40 рублей. Кроме того, он без особого стыда принимал как должное, как заслуженное, бесконечные подачки в 500 рублей, в тысячу, в две тысячи все из того же Литфонда.

Исидор Шток 210 дней за год прожил бесплатно в домах отдыха и санаториях и в дополнение еще рванул несколько тысяч рублей пособия.

М. Берестинский провел только 60 дней на отдыхе по бесплатной путевке, но компенсировал себя за тот же срок солидным безвозвратным кушем в 5 тысяч рублей.

На лицах у нахлебников Литфонда не чувствуется сколько-нибудь заметных нравственных мук. Это все народ здоровый и жизнерадостный. Ничего общего не найти в их внешнем облике с классическим типом прихлебателя. Где смирение нищих родственников, вынужденных кормиться в чужом доме? Где скромный, робкий, униженный вид, и тихий голос, и сладкие речи?

Никакой видимой неловкости от многочисленных щедрот Литфонда не испытывает и кое-кто из настоящих крупных писателей, авторов многих значительных произведений, авторов, вовсе не нуждающихся.

И получается нехорошо. Прямо сказать, противно получается.

2

Кабацкие герои и враги народа вроде Васильева, контрреволюционеры, троцкисты и их пособники вроде Серебряковой, Грудской, Трощенко, Селивановского, И. Катаева, Рыкачева, Авербаха, Мазнина и других, антипартийные деляги типа Киршона и Афиногенова — все они разоблачены и раскрыты перед нами в истинном своем виде.

Очередь за остальным мусором. Политическая ясность и чистота нравов должны быть непременными условиями в нашей борьбе. Это — тот экзаменационный минимум, которому должен удовлетворить всякий, носящий высокое звание советского писателя. Суровая и честная самокритика, без склочных интриг, без анекдотической, грошевой рачительности, без мелочных придирок, — исправит политически одних, заставит других подчиняться высоким моральным нормам, безжалостно разделается с третьими, неисправимыми политическими проходимцами, упорствующими бездельниками, рвачами, хулиганами и всей массой окололитературных прихлебателей.

В союзе писателей числится около трех тысяч членов и кандидатов. Полк гениев и талантов. Но каждый редактор журнала или газеты в ежедневных поисках квалифицированных литераторов уже давно убедился, что их значительно меньше, неизмеримо меньше... Кто же эти остальные?

Есть скромные, нетребовательные клиенты Литфонда, они ограничиваются мелкими субсидиями, чтобы кое-как перебиваться, и довольствуются бесплатными путевками на месяц-два в году. Это — клиенты из породы мечтателей. Они способны два десятилетия громогласно мечтать о покупке на первый крупный заработок дачки (она же вилла) где-нибудь в Крыму, вместо того, чтобы хлопотать себе дачку (виллу) где-нибудь в Переделкино или в Переиздаткино на государственный литфондовский счет.

Есть продувные и исполненные великого достоинства хапуны, профессиональные добытчики, никогда по-настоящему литературой не занимавшиеся, но обзаведшиеся сильными покровителями, сорванными ныне с пьедесталов самокритическим вихрем.

Есть множество добросовестно заблуждающихся в истинном своем призвании молодых людей, слишком поспешно оставивших прежнюю профессию ради заманчивых подвигов на литературном, творческом пути.

И всюду — Литфонд, главная опора, вящшая надежда, неугасимо действующий маяк, призывно сверкающий 12 миллионами.

Братья-писатели, в вашей судьбе нет ничего рокового. Ничего, кроме этих злосчастных 12 миллионов.

Что, если сократить 12 миллионов до скромных нескольких десятков тысяч, предназначенных для оказания помощи действительно нуждающимся и неработоспособным? И чтобы никаких бесплатных путевок, никаких субсидий, никакого постыдного, праздного, окололитературного существования, основанного на милостыне неоскудевающей литфондовской руки, никаких дарованных дач?

Не будет ли это содействовать очищению нравов с такой же силой, как и смелая, честная, большевистская самокритика?

ТРЕВОЖНЫЙ СИГНАЛ

Секретариат ССП принял решение систематически заслушивать информацию о подготовке издательств и журналов, о работе писателей к 20-летию Великой Пролетарской революции.

На одном из последних заседаний секретариата т. **Ставский** не мог скрыть своей тревоги по поводу положения дел в этой области.

Многие писатели даже не дают знать о себе. Неизвестно, как следует истолковать это молчание: свидетельствует ли оно об интенсивной работе над новыми произведениями или о бездействии, в котором стыдно признаться. Необходимо нарушить этот «заговор молчания». Секретариат примет все надлежащие меры к тому, чтобы писатели заговорили, чтобы вся картина подготовки к великой дате стала абсолютно ясной.

Единственное мероприятие, о котором можно, по словам т. Ставского, говорить с чувством полной уверенности, это два тома «Двух пятилеток», посвященные народному творчеству. Эти томы уже окончательно подготовлены. В них собраны подлинные замечательные фольклорные материалы, свидетельствующие о неуклонном развитии советского фольклора.

Вызывает сомнения работа Корабельникова с писателями, приглашенными участвовать в томе «Родина».

— Создалось такое положение, — заявляет редактор журнала «Знамя» т. **Рейзин**, — что у кого ни попросишь дать повесть или рассказ к юбилейному номеру журнала, почти неизменно оказывается, что этот писатель уже связан договором с «Двумя пятилетками». Где же их произведения, кто их читал, какова их судьба, кто работал с писателями?

Все это неизвестно. Но есть основания опасаться, что в выигрыше от такой системы работы не останутся —ни «Пятилетки», ни журналы.

Необходимо, пока не поздно, принять соответствующие меры, выяснить все обстоятельства дела и дать журналам возможность привлечь побольше писателей к той важной и ответственной работе, которая должна быть проведена в связи с наступающим 20-летием Великой Пролетарской революции.

С. Рейзин информировал собравшихся о юбилейных номерах «Знамени», в которых материал будет связан единством темы.

Пятая книга журнала целиком посвящается пограничникам.

Номер шестой будет посвящен революционной Испании. Здесь, помимо романа Эптона Синклера «No pasaran!», будут помещены полностью присланные И. Эренбургом дневники итальянских и германских офицеров. Эти дневники достались в виде трофеев бойцам республиканской Испании и дают любопытнейший материал о делах, психологии, чаяниях фашистской военщины.

И. Гронский сообщил, что принципу тематического единства номеров, посвященных юбилею, будет следовать и редакция «Нового мира».

Грустное впечатление произвела информация директора издательства «Советский писатель» т. **Лазаря**. По существу никакой информации не было, ее заменили жалобы на разные «об'ективные» обстоятельства. А обстоятельства эти ничего хорошего не сулят.

Положение поистине тревожное. Оно явится темой разговоров на специальных совещаниях с писателями, издательскими работниками, редакторами и др., которые секретариат постановил созвать в ближайшем будущем.

А ведь для разговоров времени собственно уже не осталось.

ЯКОВЛЕВ

НАКАНУНЕ ВСЕСОЮЗНОГО С'ЕЗДА АРХИТЕКТОРОВ

ЖДЕМ УЧАСТИЯ ПИСАТЕЛЕЙ

До сих пор многие наши архитекторы не осознали всей ответственности своего дела. Мы строим для многомиллионных масс трудящихся и должны хорошо знать их запросы. А посмотришь, какая масса мастеров считает свою работу сугубо личным делом и стремится лишь к одному — создать памятник своему творчеству.

Это нередко приводит к формалистическому трюкачеству, к проектированию таких сооружений, которые стремятся поразить нас оригинальностью и совершенно не отвечают своему основному назначению.

Советская архитектура накопила огромный опыт. Ни в одной стране мира культурное, жилищное и промышленное строительство не развернулось в таких масштабах, как у нас. Между тем весь накопленный опыт до сих пор не собран и разбросан по многочисленным проектным и строительным организациям.

Предстоящий с'езд архитекторов должен разрешить немало вопросов, имеющих первостепенное значение. На нем выступят крупнейшие мастера, которые сумеют не только вскрыть наши ошибки, но и указать пути для дальнейшей работы. Но было бы неверным ожидать, что с'езд даст какие-то готовые рецепты для советской архитектуры. Всем своим авторитетом с'езд должен осудить все извращения, имеющиеся в нашей архитектурной практике. С'езд должен помочь нашим мастерам выйти на путь широкой общественной деятельности и осознать свою роль в общем народнохозяйственном строительстве страны.

На с'езде будет поставлен доклад о жилищном строительстве. Это, пожалуй, наиболее узкий участок нашей работы. При проектировании жилищ архитектор должен знать требования трудящихся, со стороны которых часты правильные нарекания по адресу строителей.

На с'езде будут подняты очень важные организационные вопросы — о состоянии союза архитекторов, о правовом положении мастеров и т. д.

Но для того, чтобы работа с'езда была наиболее продуктивна, необходимо участие в нем всей советской интеллигенции.

Мы ждем помощи и со стороны писателей — инженеров человеческих душ, которые лучше знают людей нашей эпохи, знают их требования и, мы надеемся, могут дать нам немало ценных указаний.

Архитектор, профессор Н. КОЛЛИ

ПОДРЫВНАЯ РАБОТА

В 1927 году, к десятилетию Пролетарской революции, в Москве было создано Интернациональное бюро революционной литературы. Бюро это должно было стать центром, об'единяющим все передовые элементы международной литературы на самом широком базисе. На практике же группа «На лит. посту» и впоследствии руководство РАПП быстро завладели этой организацией, превратив ее в филиал группы Авербаха и К°.

Эта группа, став хозяином Интернационального бюро, проводила политику «двойной бухгалтерии». С одной стороны, на словах от писателей требовалась лишь ясная позиция против войны, фашизма и белого террора. С другой стороны, на практике, каждого писателя, не соглашавшегося с политиканскими лозунгами авербаховского руководства, «разоблачали», смешивали с грязью.

В ноябре 1930 г. в Харькове состоялся «пленум Интернационального бюро», переименовавший себя в «интернациональную конференцию пролетарско-революционной литературы» и принявший решение о создании Международного об'единения революционных писателей (МОРП).

Основной доклад на харьковской конференции был сделан Авербахом. Доклад этот никогда не был напечатан. Авербах по каким-то соображениям предпочел на этот раз не осведомлять широкую литературную общественность о своих глубокомысленных высказываниях в Харькове. Нам приходится поэтому цитировать его по сохранившимся у участников конференции записям и по изложению доклада, напечатанному в «Линкскурве» (февраль 1931 г.).

После пространного «введения», в котором Авербах по своему обыкновению щеголял «эрудицией» и путал все и вся, он перешел к литературным вопросам. Здесь были «шедевры» вроде: «Задача завоевания приблизившихся к пролетариату буржуазных и мелкобуржуазных писателей с помощью принципиальной марксистской критики должна отступить на второй план». Совершенно ясно, что эти установки Авербаха были рассчитаны на то, чтобы оттолкнуть интеллигенцию от революционного движения.

Основным условием для получения у авербаховцев «звания» революционного писателя выдвигалось не только признание их платформы, но признание и применение пресловутого лозунга «творческого метода диалектического материализма». Среди буржуазных и мелкобуржуазных писателей, которыми нужно было заниматься лишь «во вторую очередь», практически очутились те писатели, которые впоследствии стали активнейшими борцами против фашизма. Такие имена, как Ромэн Роллан, либо совсем не упоминались, либо упоминались (как Барбюс) лишь для того, чтобы отнести их к числу штрейкбрехеров и врагов.

Харьковская конференция была кульминационным пунктом деятельности международного филиала авербаховской клики. Не случайно Авербах делал основной доклад на этом конгрессе и руководил из-за кулис работой всех комиссий.

Насаждение авербаховщины — вот в чем по существу заключалась долголетняя деятельность Интернационального бюро и МОРП вплоть до ликвидации РАПП.

Болтая о «специфических условиях в каждой отдельной стране, с которыми необходимо считаться», на деле в интернациональную литературу механически переносили бесчисленные вредные лозунги РАПП, от лозунга «союзник или враг» вплоть до «творческого метода диалектического материализма». Наряду с этими лозунгами насаждались и соответственные методы руководства: личная диктатура, грубое командование, занятие всех руководящих постов «своими людьми»; использование в своих целях людей политически наивных.

Насколько глубоко было вредное влияние авербаховцев на международные секции, видно из беглого просмотра номеров «Линкскурве», органа немецкого союза пролетарских писателей.

Напрасно ищешь в номерах этого издававшегося на протяжении четырех лет журнала хотя бы одной статьи, посвященной принципиальному и серьезному анализу творчества передовых писателей, теперь стоящих на антифашистском фронте. Зато беспрестанно писателям рассылались всевозможные анкеты, так, например, немецкий союз пролетарских писателей рассылает в августе 1930 г. всем писателям анкеты, в которых, между прочим, можно найти вопрос: «Каким образом, по вашему мнению, можно устранить мировой экономический кризис?» Полученные затем ответы с самодовольным всезнайством наставнически критиковались.

Если писатель ответил, что, не будучи специалистом по мировой экономике, он не может судить о мировом экономическом кризисе, его зачисляли в «трусы». Если другой писатель предлагал заменить капиталистическую анархию плановым хозяйством, ему, недолго думая, наклеивали этикетку «путаника» и т. д. и т. п.

Оригинальным результатом всех этих опросов всегда был один вывод: коммунисты, мол отвечают по-коммунистически, а не коммунисты — не по-коммунистически.

А редакция «Линкскурве», повторяя «установки» Интернационального бюро, подводит итог опросу следующими словами: «Что за зрелище эти «левобуржуазные», эти псевдо-социалистические интеллигенты! От наивной путаницы вплоть до откровенной рабоче-ненавистнической подлости — пестрый и не очень-то привлекательный ряд!».

Результатом этой «работы» было распыление сил и сектантская самоизоляция революционных писателей.

Необходимо сказать также несколько слов и о разлагающем влиянии авербаховщины во французском литературном движении. Когда в 1927 г. было создано Интернациональное бюро революционных писателей, Франция была страной, где силы левых писателей были наиболее велики.

Но вместо деловой критики и такой же помощи Барбюсу в его работе по сплочению антифашистских сил литературы, Интернациональное бюро вначале просто игнорировало бесчисленные просьбы Барбюса о содействии и помощи посылкой статей и материала.

Затем Интернациональное бюро запаслось «специалистом» по борьбе с Барбюсом — Бруно Ясенским. Этот верный оруженосец Авербаха (после харьковской конференции он в качестве ответственного редактора журнала «Литература мировой революции» стал проводником вреднейшей политики распыления антифашистских сил в международной литературе) сделал борьбу с Барбюсом прямо-таки своей специальностью.

На харьковской конференции в качестве «знатока французских условий» он был во французской комиссии главным подстрекателем против Барбюса. На харьковской конференции Ясенский пытался об'явить Анри Барбюса врагом революции. Это ему не удалось. Но Ясенский не успокоился после этого своего поражения и позже пытался продвинуть в журнал «Литература мировой революции» статью о положении французской литературы, где возобновил свои клеветнические нападки на Барбюса. Набранная статья не появилась в свет.

Это упорство Ясенского приобретает особую окраску, если вспомнить, что в это время бандит Троцкий выступает с клеветой и ругательствами по адресу Барбюса, инициатора грандиозного Амстердамского антивоенного конгресса. Французский «специалист» Авербаха все-таки добился одного: до самого роспуска РАПП антифашистские силы французской литературы не были об'единены.

Теперь, когда во Франции создан сильный и значительный отряд защитников мира и борьбы с фашизмом, можно в полном об'еме осознать вреднейшие результаты рапповской политики.

На примерах этих двух стран, Германии и Франции, мы видим зловредное воздействие авербаховщины на интернациональную литературу.

После ликвидации РАПП оргкомитету тогда же следовало резко изменить курс. Но это произошло не сразу. Авербаховцы некоторое время еще оставались во главе бюро МОРП. Б. Ясенский оставался редактором всех четырех изданий журнала «Литература мировой революции».

Характерно, между прочим, что он избегал от своего имени выступать в журнале. Свою линию он проводил путем определенного подбора сотрудников журналов, окружая себя всякими темными людьми. Этот метод руководства, равно как и обширную корреспонденцию бюро МОРП в эти годы, следует теперь тщательно исследовать.

Все это лишь отдельные штрихи, характеризующие зловредную работу Авербаха и К° в области интернациональной литературы. Картина еще не полна. Еще не открыты архивы Интернационального бюро. Еще предстоит тщательное исследование их. Необходимо выяснить личную ответственность отдельных лиц. Но сказанного достаточно, чтобы стало ясно, насколько необходима и неотложна эта задача.

А. КУРЕЛЛА

ВСЕ ТЕ ЖЕ ЛИЦА...

Вести из Смоленска

Западно-областное отделение союза советских писателей выпускает литературно-художественный альманах «Наступление».

В первом номере альманаха напечатаны стихи и поэмы Н. Рыленкова, Д. Осина, В. Горбатенко, роман В. Аристова «Дело подполковника Энгельгардта», пьеса Завьялова «Веселая гора», рассказ П. Прохорова «Терешка» и др.

В подготовленных и сданных в печать очередных двух номерах альманаха мелькают одни и те же фамилии членов и кандидатов союза.

Ни одного молодого писателя за все время своего существования смоленская организация ССП **не вырастила.** Замкнутость и разобщенность, отсутствие подлинной творческой среды наложили отпечаток на всю работу союза.

Хорошо осведомленный о работе отделения заведующий отделом культпросветработы обкома ВКП(б) **т. Соколов** заявил, что писатели Смоленска очень слабо участвуют в общественно-политической жизни своей области, они недостаточно культурны, мало работают над собой.

Председатель союза т. **Завьялов вот уже около года болеет.**

Замещающий его т. **Рыленков** с работой явно **не справляется.** Союз оторван от читательской общественности, не интересуется литературной работой на предприятиях и в библиотеках. Плохо знает быт своих членов, не ведет никакой воспитательной работы.

В подготовленном к 20-летию Великой Пролетарской революции большом альманахе, к сожалению, также нельзя найти **ни одного нового имени.**

В то же время в Западной области не мало молодых, способных авторов, которые могли бы принять участие в сборнике (Нагорный, Н. Павлов и др.). Но союз не позаботился привлечь их к своей работе, к участию в альманахах.

Необходимо **укрепить руководство** смоленского отделения союза советских писателей знающими, работоспособными людьми.

РОСОВ

Мы строим общую историю

(От нашего корреспондента)

В конце апреля в Ереване состоялось собрание советских писателей Армении. На этом собрании выступил недавно возвратившийся из-за границы известный армянский поэт Аветик Исаакян.

— Наше поколение, — сказал **Исаакян**, — мечтало о клочке свободной земли, на которой мы, армяне, могли бы жить свободно, беспрепятственно развивать нашу самостоятельность, наш язык, нашу культуру, чувствовать себя дома. Мы воодушевлялись кусочком земли, далеким Зейтуном.

Кто мог вообразить, что наши мечты могут осуществиться. Великая Пролетарская революция совершила это чудо, и ленинско-сталинская национальная политика укрепила основы самоопределения, открыла перед нашим народом далекие горизонты и высоты культуры.

— У нас под ногами, — продолжает т. Исаакян, — теперь имеется твердая почва, мы имеем организованное, компактное население, у нас свое государство, равное среди одиннадцати равноправных республик, своя Конституция, свой университет, свои бесчисленные школы и т. д. Мы уже не стремимся строить свою отдельную историю, а строим общую историю, об'единившись с великим русским народом и братскими народами.

Перед нами открываются такие широкие перспективы, что мое сердце бьется вместе со всеми молодыми восторженными сердцами...

Талант — предпосылка, но необходим труд, старания, воля. Надо много читать, изучать старых и новых писателей всех народов, фольклор, изучать теоретиков социализма — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Надо читать научно-философские книги, развиваться без конца и никогда не останавливаться. Гореть великими вопросами — всесоюзными, общечеловеческими, выйти из своей ограды, освободиться от шовинистической отравы, от национальной ненависти.

Задачу новых тем разрешить совсем не трудно, особенно для молодых писателей.

Сущность всех тем — природа, человек, его душа, его труд.

Недавно с несколькими товарищами я поехал в Камарлинский район.

Мы посетили ряд сел. Как из маленького окошечка, я видел кусочек жизни, кусочек нового быта — дела и жизнь колхозников. Там найдутся все элементы романа и повести, а именно: повторяю, — природа, труд, идеи, человек, человеческая душа, его мечты, борьба, переживания.

Надо только любить, углубиться, наблюдать, видеть, чувствовать, волноваться и претворить материал в искусство.

Заканчивая свою речь, поэт Исаакян говорит:

— Русский пролетариат спас нас от неминуемой гибели, поднял на ноги и поставил на равный себе пьедестал. Мы должны безмерно любить великий русский народ, мы должны любить наши братские народы — грузин, азербайджанцев и всех других. С глубокой признательностью мы должны вместе с ними поднять славное, непобедимое знамя коммунизма, являющееся надеждой всего человечества, залогом освобождения, к которому направлены духовные очи многих миллионов трудящихся всего мира.

Ереван

В союзе писателей Осетии неблагополучно

Журнал **«Мах Дуг»** — орган союза писателей — за последние 9 месяцев не выходит. Работа с молодыми писателями запущена. Литкружковцы, несмотря на настойчивые обращения и просьбы, никакой помощи не получают. Правление не интересуется состоянием детской литературы.

Политическая беспечность и близорукость руководства ССП привели к тому, что троцкистско-националистические элементы, враги народа, безнаказанно орудовали и в союзе писателей и в литературе Северной Осетии.

С. Косирати, Ш. Абаев, Фарнион, Дзесов — эти подлые враги народа — были разоблачены не силами писательской организации. Больше того: они вели свою гнусную работу, получая иногда даже поощрение со стороны некоторых осетинских писателей. Член правления ССП Северной Осетии Нигер восхвалял троцкиста Дзесова, называя его, врага народа, одним из лучших писателей Осетии.

Поведение ССП вообще вызывает недоумение.

Х. Ардасенов, кандидат в члены союза, состоит в родственных отношениях с троцкистом Фарнионом, исключен из ВЛКСМ, но ССП до сих пор не потребовал у него об'яснений. Правление союза во главе с т. Боциевым повидимому не спешит, забывая, что на нем лежит ответственность за острейший участок борьбы.

Неблагополучно обстоит в Северной Осетии и в области литературной критики и литературоведения. В Научно-исследовательском институте литературы и языка и в Осетинском педагогическом институте окопались буржуазные националисты, насаждающие своей «научной» и педагогической работой вредные контрреволюционные «идейки».

Буржуазно - националистические элементы (Дзагуров, Косирати и др.) на протяжении многих лет старались скрыть от народа творчество основоположника осетинской литературы — Косты Хетагурова. Они создали о нем ложное мнение, представляя его «религиозно настроенным пессимистом». Небрежное обращение с рукописями Косты привело к тому, что некоторые из них исчезли, некоторые пришлось покупать... у студентов пединститута.

Подлые вредители, искажая лицо народного поэта Хетагурова, уничтожая его литературное наследие, в то же время выдвигали, восхваляли врагов народа: белоэмигранта-фашиста Г. Баева, подлых троцкистов Фарниона, Дзесова, двурушников-националистов Косирати, Ш. Абаева.

Этот вредительский фронт так называемой «критики» возглавлял Дзагуров.

Кто же такой Дзагуров? В прошлом, в годы гражданской войны, он был «директором народных училищ», при белогвардейцах — верным слугой «правителя Осетии» деникинского полковника Хабаева. В советский период он отдался «научной деятельности». Став во главе Осетинского научно-исследовательского института литературы и языка, он окружил себя врагами народа, троцкистско-националистическими элементами. В данное время он разоблачен и исключен из партии, но продолжает вести работу в качестве профессора обоих осетинских институтов.

В этих институтах подвизается и другой «ученый» — профессор Албаров, буржуазный националист, руководящий лингвистическим отделением Института литературы и языка. Этот «авторитетный» ученый утверждает фашистский тезис о происхождении осетинского языка. В своих писаниях он протаскивает националистические, троцкистские идейки («Абречьи песни», «История осетинской письменности» и др.).

Из всего вышесказанного совершенно очевидна необходимость срочных и решительных мер по оздоровлению ССП Северной Осетии.

Писательская общественность Северной Осетии должна по примеру других писательских организаций Советского Союза решительно взяться за выявление всех скрытых и подлых врагов народа в своей среде. Она должна помочь партийной организации оздоровить литературную организацию, выдвинуть способных и честных людей, поддержать молодых растущих писателей и отметить новыми книгами великую дату 20-летия социалистической революции.

А. К.

АННА КАРАВАЕВА

Ответ читателям

Передо мной несколько читательских писем, написанных на одну тему и проникнутых одним настроением. Речь идет о романе Николая Островского «Рожденные бурей». Смерть помешала талантливому писателю-бойцу продолжить и закончить роман. «Да здравствует коммуна» — этот боевой клич Андрия Птахи, молодого орленка пролетарской революции, звучит в сознании миллионов советских читателей, которым близок, дорог Андрий и его друзья. Андрий Птаха, Раймонд Раевский, Сарра, Олеся, Пшеничек и др. попали в ловушку в лесном домике. Они окружены, преданы, дула жандармских винтовок смотрят им в глаза. Но молодые бойцы и не думают сдаваться, они будут держаться до последнего. Смело и гордо кричит Андрий: «Да здравствует коммуна!»...

Как же удастся им, этим храбрецам, освободиться, выйти опять на поле битвы? Что их ожидает в будущем? Как дальше развернутся события революционной борьбы? Словом, советские читатели, как о родных, любимых людях, хотят знать о судьбах героев Островского.

«Обращаюсь к вам с просьбой сообщить, имеются ли какие-либо планы дальнейшего развития романа Н. Островского «Рожденные бурей», оставленные автором либо в рукописях, либо в частных разговорах с близкими ему людьми», — спрашивает в своем письме композитор из Белоруссии. — «Если это имеется, то убедительно прошу вас, укажите пути, как познакомиться с этими материалами».

Агроном из Азово-Черноморского края пишет: «Я считаю, что эта замечательная книга не может, не должна остаться неоконченной. Какой-то советский писатель должен взяться за продолжение героического труда Островского. Если не решится один, пусть возьмется коллектив...».

Группа командиров Красной армии через «Правду» обращается к ССП с просьбой «докончить последний роман Н. А. Островского «Рожденные бурей».

«...Нам кажется, что окончание работы, начатой тов. Островским, явится почетной работой для коллектива советских писателей».

Актив читателей райбиблиотеки им. Горького в Рязани в своем письме даже вносит конкретное предложение:

«...обращаемся с просьбой к писателям А. Толстому, Владимиру Ставскому и Анне Караваевой написать вторую и последнюю часть книги Николая Островского «Рожденные бурей».

Письма с пожеланиями дописать роман Н. Островского несомненно последуют еще и еще. Появление их — одно из многочисленных доказательств любви советских людей к талантливому художнику-бойцу и благородной их заинтересованности в делах советской литературы. Требование их к союзу советских писателей — довершить дело, начатое Николаем Островским, правильное и бесспорное.

В последние месяцы жизни у Николая в основном уже оформились основные контуры будущих двух книг романа. Этот план он огласил на совместном заседании президиума ССП и редакции журнала «Молодая гвардия» 15 ноября 1936 года. Вот что говорил тогда Николай Островский:

«Я могу в течение нескольких минут набросать контуры той обстановки, в которой будут бороться герои моего романа. Как вы знаете, первая книга охватывает конец 18 года в одном из уголков Украины. Она показывает уход немцев, борьбу рабочего класса и крестьянства с польскими помещиками и буржуазией.

Во второй книге будет показано собрание сил пилсудчиков, захват ими части Украины и их блок с Петлюрой, который затем окончательно продается панам. По другую сторону баррикад — организация Красной армии из мелких партизанских отрядов, борьба крестьянских масс против помещиков, стихийные восстания, которые под руководством большевиков превращаются во всенародное движение против иноземных оккупантов. Красная армия громит петлюровские банды.

Третья книга покажет уже неприкрытую ничем интервенцию Антанты в лице панской Польши. Героическое сопротивление немногочисленной 12-й армии, состоящей из полураздетых и полуобутых бойцов — тринадцать тысяч против шестидесяти тысяч прекрасно одетых и вооруженных до зубов польских солдат. Поляки занимают Киев. Польская буржуазия торжествует. Но под Уманью собирается железный кулак Конной армии. Страшный удар — и поляки катятся назад.

Наше победное наступление и изгнание зарвавшихся интервентов из Украины. Здесь будет показан вандализм фашизма. Уничтожение прекрасных зданий, мостов, бессмысленное варварское истребление всего, всего, что попадается под руку. Поджог деревень, взрывы железнодорожных станций, путей. Кровавый путь озверевших белогвардейцев...

Вот на этом фоне будет показана борьба молодых товарищей, руководимых большевиками, за освобождение нашей родины. Я хочу показать, как мужала героическая группа молодых рабочих, коммунистов, комсомольцев, закалявшихся в этой ожесточенной борьбе...»

«Контуры», о которых говорил незадолго до смерти Ник. Островский, намечают очень широкую, прямо таки эпопейного охвата картину, дальнейших событий. Для того, чтобы представить себе судьбу каждого героя, этих «контуров» недостаточно. Это остов, плановые наметки, не больше. В московском и сочинском архиве Н. Островского мы не обнаружили никаких материалов или записей к новым книгам романа.

Он оставил направление, но ключ к дальнейшему раскрытию каждого героя не успел передать. Каким образом, например, Андрию Птахе и его товарищам, окруженным жандармами в охотничьем домике, удалось бежать и соединиться со своими? Как эта революционная молодежь помогала потом рабочим-большевикам бороться против пилсудчины, организовывать крестьянские восстания и т. д.? Кто из этих молодых храбрецов уцелеет для дальнейшей борьбы, кто погибнет? Кому еще кроме Андрия Птахи удастся пробиться к Красной армии и драться в ее рядах? Что станется с Олесей, Саррой, Раймондом, Пшеничеком и другими? Вопросов возникает множество, а ответить на них не представляется возможным, так как бытие художественного образа, задуманного другим творцом, чрезвычайно трудно, если не просто невозможно, создавать на основе одних только плановых наметок. Но, спросят нас, разве «контуры» обстановки — эти основные линии будущего действия, о которых говорил Н. Островский незадолго до смерти, неужели они ничего не значат для творческого процесса? Очень много значат. Но ведь дело-то идет о том, чтобы во второй и третьей книгах романа были герои романа Николая Островского, **именно** тот Андрий, Раймонд и Олеся, которых так любит наш советский читатель.

Если сам Николай Островский работал над первой книгой **три с половиной года**, то «продолжателю» романа, принимая во внимание все эти уже названные трудности, времени потребуется, естественно, гораздо больше.

Джемс Бозуел. — «Митинг». (Выставка английской революционной графики в Музее новой западной живописи в Москве).

Л. КВИТКО

Анна-Ванна — бригадир

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!
Мы их не обидим,
Поглядим и выйдем!

— Уходите со двора,
Лучше не просите!
Поросят купать пора,
После приходите!

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят,
И потрогать спинки —
Много ли щетинки?

— Уходите со двора,
Лучше не просите!
Поросят кормить пора,
После приходите!

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!
Рыльца — пятачками,
Хвостики — крючками!

— Уходите со двора,
Лучше не просите!
Поросятам спать пора,
После приходите!

— Анна-Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!

— Уходите со двора,
Потерпите до утра.
Мы уже фонарь зажгли,
Поросята спать легли!

Перевод с еврейского
С. МИХАЛКОВ

Отсебятина и трюки

Автор грузинского перевода известного романа Ал. Толстого «Петр I» Ив. Мачавариани — против всякого ограничения прав переводчика. Не нравятся ему, допустим, некоторые выражения автора «Петра I», что ж, можно «подправить»!

Ал. Толстой пишет: «Царь Иван Васильевич Грозный шеломом из Наровы воду пил...».

Ну, что тут особенно грозного? Этак каждый может пить воду шеломом. А вот попробуй выпить ее башлыком! И Иван Мачавариани пишет: «Царь Иоанн Васильевич Грозный башлыком своим из реки Наровы воду пил...» («Петр I», груз. изд., стр. 67). Пусть думают грузинские читатели, что Иван Грозный завязывал голову грузинским башлыком и ухитрялся даже пить этим головным убором воду.

Слишком беззастенчив уважаемый Ал. Толстой в отношении некоторых своих персонажей в «Петре I». Описывая, например, Ивашку Бровкина, автор показывает его совершенно некультурным: он и коротконогий, и с раздутым пузом — как его вороная лошаденка, и высокий колпак надвинут на его сердитые брови, и рукавицы у него торчали за пазухой, и лапти его зло визжали по навозному снегу. Если ко всему этому прибавить еще, что у этого самого Бровкина «рыжая борода не чесана с самого Покрова», то человека приходится просто жалеть, так он несимпатичен и неаккуратен. Переводчик удивлен: как может быть у одного человека столько недостатков? — и... решает не переводить, что у Ивашки «рыжая борода не чесана с самого Покрова».

Описывая утро в доме Бровкина, Толстой простодушно повествует:

«Чада справили у крыльца малую надобность...».

Мачавариани предлагает такой загадочный перевод:

«...дети стали там же у крыльца, что-то их немного беспокоило, и удалили» (груз. перев., стр. 2).

Сардельки... Кажется, все слыхали название этого кушанья. По-грузински они называются «купати». От каждого переводчика зависит вкус этого «купати». Могут они быть с перцем, могут быть без перца, с чесноком или без чеснока, но нельзя представить себе сардельки («купати») «сладкими, как мед», как нельзя, например, пить чай с горчицей или уксусом.

Маленькие герои «Петра I» Алексашка и Алешка торгуют пирогами и призывают покупателей:

«Вот, пироги подовые, медовые...».

Переводчик же заставляет их торговать так:

«Вот сардельки сладкие, как мед...» (груз. перев., стр. 70).

Таких «сладостей» в грузинском переводе «Петра I» очень много. Ну, например, как переводчику перевести такое трудное предложение:

«Чуть голубоватый свет брезжил в окошечко сквозь снег»?

Ну, «в окошечко» — это, пожалуй, понятно, это — почти что в окно. «Сквозь снег», — ну и это понятно. «Свет» — это тоже, как снег. Но остальные слова? Ну что это за свет «чуть голубоватый»? Или что за выражение «брезжил»? Переведем-ка лучше натурально:

«в покрытое снегом окно виднелся утренний свет» (груз. перев., стр. 1).

Правда, тут исчезло художественное слово. Но это переводчика не касается.

Зато находчивый переводчик удачно открывает у некоторых домашних птиц, например у кур, свойство хихикать.

В романе Толстого есть такое место:

«...Иван Васков тихо закис от смеха, стонал, как курица».

А в грузинском переводе читаем: «хихикал, как курица...» (стр. 79).

А вот еще удивительные переводческие трюки:

У А. Толстого читаем:

«...Дамы приседали... показывая в низком книксене роскошные плечи и груди, высоко подтянутые жесткими корсетами».

Взволнованный переводчик спешит передать не только текст, но и свое переживание в связи с этими строками:

«...женщины делали книксен, и когда сгибались, голыми оставались у них подтянутые вверх жесткими корсетами и вызывающие страсть груди...» (стр. 99).

Хватит цитат! Нет сил переписывать весь перевод.

Переводчик прочитал первую часть «Петра I» и очень плохо рассказал ее своими словами. В Гослитиздате он получил несколько тысяч рублей. Переводческую отсебятину издали на прекрасной бумаге. Видимо, ни переводчику, ни Гослитиздату нет дела до читателя. Перевод сдан, книга выпущена, издательский план выполнен, а там хоть трава не расти.

Ген. ЛИАДЗЕ

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Коротко и небрежно

В «Литературном обозрении» (№ 3), вышедшем 10 февраля 1937 г., помещена за подписью Г. В. короткая заметка о свердловском «Литературном альманахе» в отделе «Коротко о книгах».

В заметке много опечаток или ошибок. Например, Г. В. пишет:

«В Альманахе напечатаны стихи поэтов Н. Кушума, В. Занадворова, Е. Холинской, К. Мурзиди».

На самом деле речь идет о свердловском поэте Николае Куштуме и о поэтессе Елене Хоринской.

Дальше.

«Проза Альманаха представлена рассказами П. Ратушного, А. Маленького, К. Рождественского, М. Кузнецова, М. Анчарова, П. Осипцева, А. Есецкого».

Молодая писательница Клавдия Васильевна Рождественская превратилась в К. Рождественского, а А. Исецкий — в Есецкого!..

Г. В. не заметил, что в Альманахе помещено интересное «Предисловие» Д. Н. Мамина-Сибиряка, написанное им к книге Н. В. Казанцева «Повести и рассказы» (изд. газеты «Урал», 1898 г.), и рассказ самого Н. В. Казанцева. В заметке об этом даже не упомянуто.

Вывод ясен: о книгах можно писать коротко, но нельзя писать небрежно.

БОРИС ДОЛИНОВ

В. КИРПОТИН

Аветик Исаакян

Аветик Исаакян является одним из лучших лириков в армянской литературе, и не только в армянской. Александр Блок, много переводивший Исаакяна на русский язык, следующим образом отозвался о его даровании в письме к А. А. Измайлову от 28 января 1916 г.: «Кроме того у вас есть еще Исаакян; я не знаю, как вышел перевод, но поэт Исаакян — первоклассный; может быть такого светлого и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет».

Аветик Исаакян прошел сложный идеологический путь. Он родился в 1875 году. Он был толстовцем, ницшеанцем; живя в Германии, стал социал-демократом, увлекался анархизмом, даже учением Будды. В армянских делах он когда-то разделял воинствующий национализм дашнаков. Но за границей Исаакян стоял на позициях защиты советской Армении, преследуемый за это бранью и ненавистью дашнакской контрреволюционной эмиграции. **Ованес Туманян** был настолько уверен в народных корнях творчества Исаакяна, что сразу после установления советской власти в Армении обратился к нему, к одному из первых, с призывом вернуться на родину.

«Дорогой Аво, — писал Туманян, — получил твое письмо. Говоришь, если время удобное — вызови, я приеду.

Я не знаю, к какому времени ты относишь это удобное время, но говорю:

— Приезжай!

Приезжай, дорогой Аво...

Приедешь, увидишь нашу страну разоренной, народ наш — вырезанным, оставшихся в живых — искалеченными, разбитыми, увидишь поредевшие ряды родных и друзей. Увидишь, какая огромная доля от этого моря скорби мира досталась в частности мне и тебе. Но приезжай!

Я знаю, что и там нет ничего подходящего для тебя, — нет ни места, ни времени, ни среды, ни средств.

Наконец, ты вероятно стосковался по нашей земле и воде, по родным и друзьям. Вместе со всем этим должен сказать тебе, что нынешнее наше правительство очень хорошее — лучше, чем ты можешь вообразить.

В особенности литература и искусство никогда у нас не были предметом такого внимания.

До получения моего письма, ты уже узнаешь, что целому ряду писателей и художников назначена пенсия — вскоре будет опубликовано — и узнаешь, что даются всякие привилегии, все удобства и возможности. В их числе ты прочтешь и свое имя. Мы говорили о тебе со всеми комиссарами, в частности с комиссаром просвещения и председателем Мясникяном, который имел от тебя письмо. И мне поручили вызвать тебя, сообщить, что ты будешь иметь все удобства, какие только они могут дать тебе.

То же делают тут, в Грузии. Я только что вернулся из Еревана. Поехал для организации Комитета помощи Армении...

Страна разорена. С другой стороны большой урон нанесен засухой. Но прилагаются огромные усилия, чтобы спасти и строить, — мы всячески должны помочь. Есть многое, о чем писать, но жду, — приедешь, поговорим и сделаем, что сумеем сделать.

Словом, знай, что ты здесь в безопасности, и все с тоской ждем тебя.

Быть может нам удастся сейчас вновь сорганизовать наш «Вернатун» (литкружок «Горница») и последние дни нашей жизни мы проведем вместе. Сейчас всем дана возможность заняться своим делом. И во всех этих несчастиях и затруднениях — это огромное дело...

Ну, приезжай, дорогой Аво. А до приезда — шлем с тоской поцелуй Чучику, Софик и тебе.

Твой **Ованес.**

1921 г. 4 октября. Тифлис».

Исаакян приезжал и раньше в советскую Армению, чтобы увидеть ее возрождение, ее новую социалистическую жизнь. Теперь он окончательно поселился в социалистической Армении.

Анализ его творчества показывает нам пути, которые, после многих блужданий, привели Исаакяна к его освобожденному революцией народу.

Аветик Исаакян — лирик, тонкий, нежный и грустный. Как поэт Исаакян развивался под двойным воздействием чисто народных влияний и различных течений европейской и русской поэзии конца прошлого и начала нашего столетия. Его обычные темы были — родина, страдания неразделенной любви, горькое разочарование в людях и мире. Исаакян искал правды и гармонии. В те дореволюционные годы, когда он писал свои лирические жалобы, уже шел упорный бой за правду и гармонию, бой, возглавляемый пролетариатом, но поэт, отвлеченный символистскими влияниями в сторону индивидуализма, не видел впереди светлых перспектив. Правда казалась ему недостижимой:

Явись ко мне, святая правда мира, —
Мой голос в тишине звучит во тьме ночей,
Тебя поет моя страдальческая лира,
Тебя, тебя одну ищу я с юных дней.
Да, я искал тебя в порыве вдохновенья,
Но не найдя, — опять, опять стремился вдаль.
Я жизнь пожертвовал во мраке заблужденья...
Ужель тебе меня, несчастного, не жаль...

(Перевод Л. Уманец).

Родина во времена царизма была угнетена и несчастна — сам поэт чувствовал себя в своих скитаниях изгнанником:

Караван мой бренчит и плетется
Средь чужих и безлюдных песков.
Погоди, караван! Мне сдается,
Что из родины слышу я зов...
Нет, тиха и безмолвна пустыня,
Солнцем выжжена дикая степь.
Далеко моя родина ныне,
И в об'ятьях чужих — моя джан.
Поцелуям и ласкам не верю,
Слез она не запомнит моих.
Кто зовет? Караван, шевелися —
Нет в подлунной обетов святых!
Уводи, караван, за собою
В неродную, безлюдную мглу.
Где устану, — склоняюсь главою
На шипы, на утес, на скалу...

(Перевод А. Блока).

Тоска по утраченной родине сливается с тоской по утраченной возлюбленной, горечь изгнания с горечью разлуки.

Одиночество, уныние, незнание истинных дорог спасения человечества и родины рождают в поэзии Исаакяна неопределенные романтические грезы:

Быстролетный и черный орел
С неба пал, мою грудь расклевал,
Сердце клювом схватил и вознел
На вершины торжественных скал,
Взмыл сурово над кручами гор,
Бросил в сердце лазоревый блеск,
И вокруг меня слышен с тех пор
Орлих крыл несмолкаемый плеск.

(Перевод А. Блока).

Силу, здоровье, мощь он искал в отдаленном прошлом, в седой мгле тысячелетий, когда фригийцы, вторгшись в страну Урарту и смешавшись с коренными обитателями, положили начало армянскому народу («Наши предки»). Разочаровавшись в людях и взаимной любви, он поет восторги сладострастья:

Твоих бровей два сумрачных луча
Изогнуты, как меч у палача.
Все в мире — призрак, ложь и суета,
Но будь дано испить твои уста,
Их алое вино —
Я с радостью приму удар меча:
Твоих бровей два сумрачных луча
Изогнуты, как меч у палача.

(Перевод В. Брюсова).

Однако народные истоки творчества Исаакяна, его непорванные связи с народным миросозерцанием и мотивами народного творчества спасли его от бесшабашного индивидуализма и антисоциальных чувств, характерных для декаданса европейской и русской буржуазной культуры.

Как трогательна молитва из «Моей матери»:

Пусть прежде всех поможет господь
Всем дальним странникам, всем больным,
Пусть после всех поможет господь
Тебе, мой бедный изгнанник, мой сын.

(Перевод А. Блока).

Такие слова мог написать человек, не утративший сочувствия к людям, веры в людей.

В лирике Исаакяна повторяются мотивы гейневской «Сосны» и лермонтовского «В полдневный жар, в долине Дагестана». В ночной тиши до сердца поэта доходит песнь чужого страдания и чужого сочувствия — и в ответ у него в груди поднимается прибой любви к далекому брату. И он чувствует, он знает — есть чужая страна,

Есть душа в той далекой стране,
И грустна и, как я, одинока она,
И сгорает, и рвется ко мне.

(Перевод А. Блока).

Как у Гейне и у Лермонтова, у Исаакяна эти строки свидетельствуют о неистребимой жажде жизни, несмотря на все разочарования, и о неистребимой жажде людского сочувствия, людской солидарности, несмотря на горечь обид.

Особенности творчества Исаакяна очень ярко проявились в его знаменитой поэме (или Касиде, как он ее назвал по-арабски) «Абул Ала Маари». Багдадский поэт Абул Ала Маари, прожив тридцать лет в богатстве и славе, разочаровался в людях. Он не верит друзьям, женщинам — везде он нашел лицемерие, злобу, обман, тщеславие, похоть. Он остро критикует законы и богатство, родину, которая богачам служит тучным пастбищем для всяких потреб и в которой пахарь бесправный грызет камень вместо хлеба, он ненавидит чернь за раболепие и покорность. Однако социальная критика у Исаакяна, не разбиравшегося в законах, управляющих историей и обществом, превращалась в отвлеченную критику природы человека. Ему казалось, что в зле, несправедливости и пороках виноват не общественный строй, а натура человека, и что поэтому гнусность жизни является вечной. Как и многие символисты, Исаакян увлекался учением Ницше. Выход он видел на путях индивидуализма, в том, чтобы уйти от людей, жить одиноко, независимо от них, по ту сторону добра и зла:

Свободен мой дух! Над собой не терплю я ни силы, ни власти, все — воля моя:
Нет для меня ни блага, ни зла, ни суда, ни закона, я сам — свой судья!
Над моей головой быть не должно ни защиты, ни крова от вечной судьбы;
Пусть вне жизни моей, как в темнице, темно, пусть там, где не я, цари и рабы!
Быть хочу вне пределов, не ведать владык, долга не знать, забыть божество:
Быть свободной безмерно, безгранно, во всем — душа моя жаждет лишь одного!

(Перевод В. Брюсова).

Поэтическое воодушевление «Абул Ала Маари» не могло скрыть душевного и социального тупика, в который зашел поэт. На путях ницшеанского одиночества нет спасения ни личного, ни национального, ни социального.

Справедливость заставляет отметить, что Исаакян остался незатронутым хищнической стороной ницшеанства, проповедью превращения большинства в рабов, в бессловесное орудие аристократа-сверхчеловека, той стороной, которая так мила сердцу современных фашистов. Социальные связи со своим народом, народные корни его творчества, успехи возродившейся при советской власти социалистической Армении, равноправного члена великой семьи союзных республик, привели Аветика Исаакяна на его родину. Здесь находит удовлетворение его юношеская жажда правды. Ныне он живет в Ереване.

«В конце концов, — говорил Исаакян на писательском собрании в Ереване, посвященном обсуждению итогов пленума ЦК ВКП(б), — после продолжительных дум, взвесив и обсудив все, я вновь пришел к социализму. Прошли уже годы, как я стою на этом плоту спасения. И вот по доброй воле, я убежденно сжег за собой корабли, безвозвратно вновь пришел в ту страну, где созидается величественное дело в национальном и общечеловеческом смысле... Русский пролетариат спас нас от неминуемой гибели, поднял на ноги и поставил на равный себе пьедестал. Мы должны безмерно любить великий русский народ, мы должны любить наши братские народы — грузин, азербайджанцев и всех других, с глубокой признательностью мы должны вместе с ними поднять славное, непобедимое знамя коммунизма, являющееся надеждой всего человечества, залогом освобождения, к которому направлены духовные очи многих миллионов трудящихся всего мира».

Пожелаем, чтобы живое соприкосновение с рабочими и колхозниками Армении, впервые за многовековую историю достигшими свободы, довольства и культуры, дало новый плодотворный толчок творчеству Аветика Исаакяна.

Срок истекает сегодня

Беседа с Я. О. Боярским

В статье о подготовке театров к двадцатилетию Великой Пролетарской Революции в прошлом номере «Литературной газеты» мы указывали на опасность позорного опоздания, которая грозит театрам в связи с тем, что до сих пор многие из них не имеют юбилейной пьесы.

— Закрытый конкурс на юбилейную пьесу, — сообщил нам т. Боярский, — был об'явлен, как казалось, вполне своевременно. Были все основания рассчитывать, что за семь месяцев — с 1 апреля до 7 ноября — театры, при добросовестной и интенсивной работе, смогут осуществить самую сложную и серьезную постановку.

К конкурсному сроку — 1 апреля — не была окончена ни одна пьеса. И только 15 апреля прислал в Комитет свою пьесу «Когда всходит солнце» украинский драматург **И. Микитенко.**

Несколько дней назад получена пьеса «Правда» от **А. Корнейчука,** которую, как мы уже сообщали, Комитет передал для ознакомления Малому театру. 10 мая от грузинского драматурга **Дадиани** получена его конкурсная работа, с которой Комитет еще не ознакомился.

Остальные пять пьес все еще не представлены авторами. **Вс. Иванов** сообщил, что рукопись его уже перепечатывается. **К. Тренев** обещает сдать свое произведение не позднее 15 мая. **Вс. Вишневский,** обещавший свою пьесу Камерному театру, пока не фиксирует срока ее окончания. **Алексей Толстой,** пишущий пьесу для театра им. Вахтангова, считает, что ему необходимо еще полтора-два месяца для окончательной ее отделки.

Комитет по делам искусств, неоднократно продлевавший сроки конкурса, назначил последней датой представления пьес **15 мая,** а датой решения жюри — **1 июня.**

Драматурги, не представившие к этому дню своих произведений, не могут рассчитывать на постановку их пьес в день великого празднества народов СССР.

— Об'являя год назад конкурс, — говорит т. Боярский, — мы не учли возможности подобного промедления в работе драматургов. Это создало в театрах напряженное состояние, и теперь нужны будут максимальные творческие усилия театральных коллективов для того, чтобы в день двадцатой годовщины Великой Пролетарской Революции показать спектакли, достойные великой даты.

Я. О. Боярский сообщил также, что из пьес, полученных Комитетом помимо конкурса, около 15 уже рекомендовано театрам для постановки в юбилейном году. Среди них — «Земля» Н. Вирта, «Мастера счастья» — С. Амаглобели, «Граница» — В. Билль-Белоцерковского, «Наши дни» — С. Вашенцева, «Белеет парус одинокий» — В. Катаева, «Баку» — Н. Никитина, «Актеры» — В. Каверина, «Порт-Артур» — Л. Никулина, «Дума о Британке» — Ю. Яновского и три инсценировки романа «Как закалялась сталь» (Рафаловича, Судакова и Гегузина и Милькиной).

Е. КОСТРОВА

НОВЫЕ ЗАДАЧИ СЕКЦИИ ДРАМАТУРГОВ

На перевыборном собрании

Новое бюро секции драматургов получает тяжелое наследство от прежнего руководства секции. Это руководство неспособно было, да и не хотело, об'единить драматургов в творческое содружество, не помогало им по-настоящему внедриться в жизнь.

Вместо этого была келейная возня, унылое заседательство, банкетные встречи, упорное администрирование и, как результат, обеднение советской драматургии, задержка ее развития.

Какие задачи стоят перед новым бюро секции драматургов?

Прежде всего нужно найти новые формы ознакомления с творчеством членов секции и помощи им.

При этом, как правильно подчеркивает **Б. Зорич,** необходимо ликвидировать искусственное и оскорбительное деление на категории «ведущих», «средних» и «молодых». Речь может итти о тех, кто действительно имеет право на звание драматурга, помощь должна быть действенной. До сих пор она чаще всего подменялась казенной отпиской: соберут десятка-два людей, обычно ближайших приятелей автора, потолкуют бегло о том, о сем, наговорят кучу комплиментов и разойдутся. С таким стилем работы нужно покончить.

Если новое бюро подойдет к своим обязанностям не формально, оно действительно будет знать творческую продукцию всех членов секции.

Другой важнейшей задачей бюро является укрепление или, вернее, налаживание связи драматургов с театрами. Это следует понимать не только, как необходимость театра работать с драматургом, привлекать его к своей производственной практике. Нет, подчеркивает **т. Вишневский,** драматург должен стать органической частью коллектива, с которым он связался, жить его интересами, участвовать в его борьбе.

На деле мы часто наблюдаем обратное явление: пьеса принята, поставлена, — и драматург считает свою миссию выполненной, хотя бы в данном театре имели место острые конфликты на почве творческих исканий. За примером итти недалеко. Вся обстановка в театре им. Вахтангова насыщена сейчас электричеством. Коллектив раскололся на два лагеря, каждый из которых претендует определить творческие судьбы театра. Заинтересовались ли этим делом тт. Славин, Вольф и другие авторы театра им. Вахтангова?

То же самое можно сказать и относительно авторов Камерного театра, театра им. Мейерхольда и др.

На собрании был поставлен также вопрос об отношениях будущего бюро секции и Комитета по делам искусств. Обе эти организации **не сумеют развить плодотворную работу вне теснейшего взаимного контакта.**

Комитет по делам искусств может в огромной степени стимулировать работу драматургов. Для этого он должен сломать традиции «кунктаторства», которые в последнее время утвердились в ряде театров. Эти театры осуществляют в год не больше одной-двух постановок. Но разве это не приучает драматургов к мысли о том, что «спешить нечего, все равно очередь не дойдет, даже в том случае, когда пьеса принята».

Можно привести немало фактов такого «затоваривания» принятых театрами пьес.

Комитет должен, в контакте с бюро секции, помогать росту и продвижению талантливой молодежи и отказаться от политики наибольшего благоприятствования «корифеям».

Прав был драматург **Иг. Чекин,** заявив на собрании драматургов, что только деляческой политикой можно об'яснить тот факт, что на недавнем репертуарном совещании Комитет по делам искусств ориентировал всю драматургическую общественность только на две пьесы, в том числе — «Большой день» Киршона.

С другой стороны, не подлежит сомнению, что если бы драмсекция работала не по киршоновско-афиногеновской рецептуре, то и репертуарное совещание носило бы совершенно иной характер.

Ближайшей практической задачей нового бюро должна явиться проверка всей работы, выполняемой драматургами к XX-летию Великой Пролетарской Революции.

✱

Из девяти человек, которые должны войти в состав бюро, пока избраны пять: тт. **К. Тренев, В. Вишневский, А. Файко, В. Гусев и Б. Левин.**

Остальные четыре члена бюро будут избраны на ближайшем собрании драматургов.

Я. Р.

21 мая в Москве начинается декада узбекского искусства. На снимке: народная артистка республики **Тамара Ханум.**

Работа с молодежью

◆ ОТ НАШЕГО ЛЕНИНГРАДСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА ◆

Вот уже второе заседание правления Ленинградского союза писателей целиком посвящено литературной молодежи. На этот раз обсуждался доклад «сектора по работе с начинающими». Доклад этого сектора, которому, в сущности, была передоверена вся работа на важнейшем участке деятельности союза, заслушан правлением впервые за... 2½ года.

«Сектор начинающих», предоставленный самому себе, не обеспечивал молодым авторам условий для литературной учебы и творческого совершенствования.

Основной базой учебно-творческой работы сектора была Центральная литературная группа, та самая Центральная группа, о которой уже писалось в «Литературной газете» (см. статью «Обитатели затхлого мирка» в № 16 «Л. Г.» от 26 марта). Забвение задач политического воспитания писательской молодежи, дух аполитизма и делячества, господствовавший в группе, бесстрастие ко всему, что выходило за пределы узко-литературных и окололитературных интересов, ранняя профессионализация неоформившихся еще авторов, — все это приводило ко многим нездоровым явлениям и мешало творческому росту здоровой и талантливой части Центральной группы.

Надо сказать, что состав Центральной литературной группы крайне неоднороден. В группу входят безусловно талантливые молодые поэты и прозаики. Но там есть и товарищи, о которых трудно сказать что либо худое, но которые вот уже пять, восемь и даже десять лет не могут подтвердить свое литературное дарование. Нельзя забыть и о том, что в этой группе процветали люди, чуждые нашей литературе, вроде автора клеветнических стихов Калитина и его «почитателей».

Требование коренным образом перестроить работу группы было поддержано всеми выступавшими на заседании правления.

Однако, круг вопросов, связанных с реорганизацией работы с молодежью, не исчерпывается Центральной литгруппой и Вечерним литуниверситетом, о котором шла речь на предыдущем заседании правления. Выступления писателей и молодых авторов со всей очевидностью показали, что серьезного внимания союза требует работа с авторской молодежью в ленинградских издательствах и редакциях журналов. Не секрет, что молодой автор в Ленгослитиздате до последнего времени являлся нежеланным гостем. Робкие издатели, бывало, отвергали книгу потому, что у автора не было... печатных отзывов газет и журналов. Многие первые книги месяцами и годами маринуются в издательстве, но зато в Ленгослитиздате был щедро авансирован пресловутый Калитин.

Очень резкую оценку получили и литконсультации, все еще являющиеся каким-то «массовым производством» безграмотных рецензий и равнодушных писем.

На основе всех высказываний правление обещало разработать конкретную программу перестройки всей системы учебно-творческой работы с молодыми писателями. Но одновременно необходимо перестроить и массовую литературную работу, улучшить работу литкружков, литературно-творческих групп и т. д. Об этом своевременно напомнил на заседании т. Цильштейн, но, к сожалению, поставленные им вопросы не нашли отклика в других выступлениях.

Ленинградские профсоюзы литературными кружками почти не занимаются, не понимая и не желая понять места и значения литкружков в массовой политической и культурно-просветительной работе, в художественной самодеятельности масс. Руководство литкружками не должно входить в число организационных задач союза писателей. Но обеспечить литкружкам «право на существование», наладить методическую помощь, помочь созданию кадров руководителей, — политическая задача союза писателей. От этой задачи отмахнуться нельзя!

Б. Р.

Советские пьесы в Эстонии

Советская драматургия все больше и больше привлекает к себе внимание зарубежных театров и пользуется все увеличивающимся успехом среди широких кругов заграничной театральной общественности.

В текущем сезоне в г. Таллине, на сцене Эстонского рабочего театра режиссером П. Пылдросс, посетившим два года назад СССР с целью изучения советского театрального искусства, были поставлены «Аристократы» Погодина и «Счастливый брак» Тригера.

Несмотря на отрицательный отзыв правой печати и любителей «чистого» искусства об «Аристократах» пьеса проходит в Рабочем театре с большим успехом.

Новое в журналах

«Октябрь»

Выходящая на-днях пятая книга журнала «Октябрь» открывается второй частью романа **Лиона Фейхтвангера «Лже-Нерон».**

Роман Фейхтвангера вряд ли нуждается в особой рекомендации. Как и ранее изданные на русском языке книги писателя, это произведение отличается глубиной мысли, большой эрудицией, широтой исторической перспективы и убедительностью персонажей.

В номере помещена четвертая глава повести в стихах **Н. Асеева «Маяковский начинается».** В этой главе Н. Асеев показывает Маяковского предреволюционных лет, Маяковского-футуриста.

Юный поэт и его литературные друзья полны стихийного протеста против «сытого буржуа».

Что об'единяло их?
　— Ненависть к сытым,
К напыщенной позе
　　душонок пустых,
К устою,
　к укладу,
　　к отсеянным ситом
Привычкам,
　приличиям,
　　правилам их.

✱

Печатаемые в том же номере журнала **«Встречи» Скитальца** интересно рисуют старую Москву, атмосферу и быт интеллигентских и литературных кругов.

Скиталец не всегда отделяет значительное от несущественного, не всегда верны и точны его характеристики и об'яснения. Но воспоминания написаны живо, в них много наблюдательности, неизвестных фактов.

Писатели Горький, Серафимович. Первые издания знаменитых горьковских сборников «Знание», первые постановки пьес Горького в Художественном театре; Леонид Андреев, «вдруг выросший из недавнего репортера и фельетониста в крупного писателя»; журналисты, актеры, издатели — вот круг описываемых Скитальцем лиц и явлений.

Писатель приводит много интересных бытовых деталей.

✱

Герой Советского Союза **Г. Байдуков** — один из «тройки славных» — предстает перед читателями «Октября» как автор интересных новелл на авиационные темы.

Веселые и героические эпизоды из жизни советских пилотов рассказаны Г. Байдуковым в новеллах «На параллельном курсе», «Инструктор гоняется за орлом», «А где у вас лестница?» и других.

Беллетристический отдел журнала содержит еще рассказы В. Ильенкова, Ал. Исбаха и роман молодого писателя А. Рутько.

✱

«Близится XX годовщина Великой Пролетарской Революции. Пора подвести итог пройденного советской литературой пути. Пора создать историю советской литературы. Наши критики, в том числе и литературно-критические журналы, плохо готовятся к великому юбилею».

С этим утверждением редакции «Октября» нельзя не согласиться.

Журнал в порядке обсуждения печатает статью В. Перцова «Личность и социалистическое дело». Этой работой «Октябрь» открывает серию статей по истории советской литературы. Статья В. Перцова поднимает ряд неотложных вопросов, которые должны быть широко обсуждены литературной общественностью.

В критическом отделе помещена также статья Н. Изгоева о Б. Пастернаке.

«Литературный критик»

«Литературный критик» возобновил печатание отрывков из «Эстетики» Гегеля.

В четвертом номере журнала публикуется начало второй главы второго тома «Эстетики» — «Идеал классической формы искусства».

125-летие со дня рождения А. И. Герцена «Литературный критик» отметил статьями А. В. Луначарского («А. И. Герцен и люди сороковых годов») и Ф. Левина («Герцен и его эпоха»).

Статья Луначарского представляет собой неизданную стенограмму его лекции, читанной студентам коммунистического университета им. Я. М. Свердлова в 1924—25 гг.

Не в пример многим журналам, «забывшим» после пушкинского юбилея о Пушкине и прекратившим публикацию материалов и статей о нем, редакция «Литературного критика» помещает ряд статей о великом поэте: «Пушкин и драма» И. Альтмана. «Пушкин и Вальтер Скотт» Г. Лукача, «Западно-европейская критика о Пушкине» — обзор Б. Казанского.

В порядке обсуждения печатается ответ Б. Томашевского автору помещенных в первом номере журнала «Заметок читателя» — Е. Тарле.

Из других материалов номера значительный интерес представляют работа Г. Лукача — «Трагедия Генриха фон-Клейста» и статья Михаила Чиковани — «Шота Руставели и грузинский фольклор».

М. Чиковани рассказывает о колоссальной популярности «Витязя в тигровой шкуре» у грузинского народа.

«Гениальное произведение Шота Руставели стало национальным сокровищем. В любом доме к нему относились, как к драгоценности. Характерно, что в перечне приданого поэма «Вепхис-Ткаосани» («Витязь в тигровой шкуре») занимала всегда одно из первых мест, наряду с золотом, серебром и драгоценными камнями».

Написанный на сюжет грузинской легенды, «Витязь в тигровой шкуре» породил много народных поэм и сказаний. В качестве иллюстрации к статье печатается один из широко распространенных популярных вариантов фольклорного «Вепхис-Ткаосани» — записанная в 90-х годах прошлого века сказка о «Витязе в тигровой шкуре».

Широко распространены в народе сказания, предания, песни о личности Руставели.

«Почти во всех уголках Грузии, а в особенности в восточной и южной ее частях, Шота излюбленный герой фольклора, — пишет Чиковани. — Предания говорят о его рождении, детстве, отрочестве и юношестве, воспитании и полученном образовании, поступлении в Икалтойскую академию (в Кахетии), о поездке в Грецию для завершения образования, возвращении на родину».

Кроме названных работ в номере помещены статьи и рецензии: «Поль Валери и формализм в искусстве» — Я. Фрид, «О биографическом романе и романе Тынянова» — И. Сергиевского, «Как работал Н. А. Островский над романом «Рожденные бурей» — Л. Рабинович и А. Лазарева, статья Андор Габора о новой книге Эгон Эрвин Киша.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

Шота Руставели

В издательстве «Academia» вышла вторым изданием поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», в переводе К. Бальмонта.

Книга прекрасно оформлена. Она напечатана на хорошей плотной бумаге и содержит много иллюстраций художника Зичи.

Заслуживает внимания переплет, украшенный барельефом гениального поэта.

Три главы поэмы, а также заключительные строфы для нового издания переведены Е. Тарловской.

✱

Гослитиздат выпускает монографический очерк о творчестве Шота Руставели.

Автор очерка А. Сванидзе подробно характеризует общественный строй Грузии XII—XIII веков, ту социальную обстановку, в которой вырос и развился мощный гений Руставели.

✱

Готовятся к выпуску два издания поэмы «Витязь в тигровой шкуре» в новых переводах — Цагарели и Петренко.

И. ДУКОР

«МОЛОДАЯ МОСКВА»

В нашу молодую советскую поэзию входит то, что было создано Маяковским и Демьяном Бедным, и лучшее из того, что было создано другими советскими поэтами. Но как бы ни было индивидуализировано у поэтов творческое восприятие мира, как бы ни были разнообразны и многонациональны формы и методы отражения действительности, существует нечто общее, об'единяющее их всех. Это общее заключается в искреннем стремлении творчески показать социалистическую действительность; в любви к родине и в ненависти к врагам, пронизывающими лучшие строки всех этих поэтов; в огромном пафосе демократизма, борьбы за лучшие идеалы человечества; в умении своеобразно углубить традиции мировой классической литературы.

Песни этих поэтов поются на демонстрациях и у пионерских костров. Их стихи прочно вошли в наш быт. Они стали замечательным оружием в борьбе за нового человека, в грандиозной стройке социализма. Почему? Потому, что в лучших стихах советских поэтов отображены черты нового человека, хозяина страны, прошедшего сквозь огонь гражданской войны и леса социалистической стройки, знающего, что он еще живет в капиталистическом окружении. Отсюда постоянная настороженность, бдительность, чувство фронта. Отсюда и такое замечательное явление в советской поэзии, как органическое единство мотивов лирических и эпических. Чистый лиризм (в старом понимании этого термина) так же чужд этим поэтам, как и холодное, бесстрастное повествование. Лирика далеко перехлеснулась за грани узко личного восприятия мира. Она стала социальной. Лучшие поэты тысячами нитей связаны со своим многомиллионным читателем. Они живут чувствами и думами огромной страны. Массовость, органическая связь с страной стали высочайшими критериями художественности. Принципы новой эстетики рождены всей творческой практикой советской поэзии за двадцать лет ее существования.

Наряду с общим представлением об идейной и формальной специфике советской поэзии у всех нас существует также представление и о великом праве наследства, преемственности. Оно не ограничено, это право, только двадцатью годами творческой практики советской поэзии. Оно гораздо глубже и шире. Оно непосредственно смыкается и с заветами пролетарских поэтов, работавших в годы реакции на страницах «Правды», и с Некрасовым, и с Пушкиным. Оно охватывает все лучшее, самое прогрессивное, что было создано поэтическим гением за тысячелетия капиталистической культуры. Но у советской поэзии имеются свои качества, которые связаны с историей формирования социалистического общества. И когда мы встречаемся с новым поколением поэтов, мы спрашиваем у них прежде всего: что вы наследуете? Какие творческие принципы вы исповедуете? На какую высшую ступень сумели вы поднять то, что было создано творчеством ваших старших соратников?

И этот вопрос — важнейший, принципиальный.

Основное ощущение от сборника «Молодая Москва» — отсутствие преемственности, тех качеств, которые делают нашу поэзию самой передовой поэзией в мире. Большинство участников сборника — Иваны Непомнящие, живущие узким, комнатным, литературным мирком. Многие из них искренне стремятся в радостный и напряженный мир труда и борьбы, окружающий их. Что же касается их понимания наследства, то лучше всего это сформулировано Коваленковым в стихотворении, посвященном памяти Багрицкого:

Ты рассказал в потемках
　　　　сеновала
О том, что и тебя не миновало
Желание отречься от забот,
Забыть себя и жить наоборот.
. . . .
. . . .
С тех пор я полюбил тропинки
И рыбью чешую в корзинке,
И скромное мальчишество, когда
Ты на траве сидишь и удишь
　　　　криво
Зеленых окуней с колючей
　　　　гривой
И слушаешь, как ластится вода
К тем берегам,
Что с молодостью схожи,
К тем облакам,
К тем сапогам,
В которых ты, прохожий,
Случайный дачник,
　　рыбу удил тут.
С тех пор я полюбил твою
　　　　походку.
Твои неторопливые слова,
Седые волосы,
И шрам на подбородке,
И одиночество,
　　заметные едва.

Так проблема наследования революционной романтики Багрицкого сводится к рыбьей чешуе и к одиночеству, «заметному едва». У Коваленкова это — не случайность, не обмолвка. На очень многих стихотворениях сборника — печать одиночества, пассивности, литературщины. Коваленков только точнее формулирует то, о чем другие предпочитают говорить шопотком.

В связи с этим необходимо указать на то внешнее благополучие, на тот примитивизм, которыми многие молодые поэты пытаются подменить сложность окружающей их обстановки. Отсюда проистекает неискренность, концовки, шитые белыми нитками, необычайная поверхностность в зарисовках тех или иных фактов. Приведем один из наиболее характерных примеров — стихотворение Матусовского, поэта способного и много работающего над собой. Но тем показательнее будет этот пример. Стихотворение посвящено теме борьбы двух стремлений:

Даны нам узкие квартиры.
И, выходя на низкий мост,
Мы видим только четверть мира,
Ослепшего от мелких звезд.
Но есть иной закон. Есть жажда.
Она навек сжигает нас.
Поверь, взлетев туда однажды,
Ты будешь рваться много раз.
Там гром планет. Там дым над
　　　　краем.
Там свищет смерч наперерез...
Так Циолковский умирает,
Седой и жадный до небес.

Если в первых строчках поэт искренне рассказывает о своем тесном, комнатном мирке, то все остальное не больше, чем поверхностная риторика, больше того, последние две строки попросту малограмотны. Поэту кажется, что, механически противопоставляя два закона, он добьется нужной эффективности. Но это не больше, чем самообман.

Этим сладким самообманом живут многие участники сборника. Вопрос этот очень серьезный, потому что когда Дремов рядом с «Свадьбой в колхозе» печатает свою «Лучшую песню» или когда Резчиков к очень неплохому лирическому пейзажу пристегивает идеологически выдержанных водолазов, читатель перестает им верить. Читателя не обманешь!

О переживаемых им противоречиях рассказал Кедрин:

Мы вместе живем, мы не плохо
　　　　знакомы,
И сильно не ладим с моим
　　　　двойником мы:
То он меня ломит, то я его мну,
И, чуть отдохнув, продолжаем
　　　　войну.
К эпохе моей, к человечества
　　　　маю
Себя я за шиворот приподымаю.
Пусть больно от этого мне
　　　　самому,
Пускай тяжело — я себя подыму!
И если мой голос бывает
　　　　печален,
Я знаю: в нем фальшь никогда
　　　　не жила!..
Огромная совесть стоит за
　　　　плечами,
Огромная жизнь расправляет
　　　　крыла!

Все это выдуманные, чуждые нашей молодежи противоречия. Нашему советскому читателю свойственен оптимизм органический, рожденный борьбой, мировоззрением, глубокой идейной убежденностью художника.

Некоторые пытаются об'яснить противоречия в творчестве молодых поэтов, их поверхностность, самоуспокоенность, аллилуйщину отсутствием биографии. Рассуждают приблизительно так: у молодежи нет опыта гражданской войны. Молодежь приходит на готовенькое. Нам такие рассуждения представляются неверными. Разве наша эпоха не дает достаточного материала для биографии? Разве работа на заводе или учеба в наших условиях не является биографией? Все зависит от чуткости и интенсивности творческого восприятия; от умения видеть факты и творчески их обобщать; от требовательности к себе; от идейной убежденности в правоте своего творческого дела. Чем выше идейный уровень, тем меньше останется «двойников», о которых писал Кедрин. Чем внимательнее будут изучать жизнь, тем меньше будет литературщины. Поэтическая наша молодежь плохо знает жизнь, культурный уровень ее — не высок. Отсюда все качества.

Было бы неверным во всех поэтах сборника видеть Иванов Непомнящих. Нужно, прежде всего, отметить прекрасную «Застольную песню во здравие Анны Денисовны и сына ее Павла» — С. Васильева (поэма эта, к сожалению, до сих пор мало привлекала внимание нашей поэтической критики, а она заслуживает широкой популяризации). Интересны и актуальны «Комсомольские стихи» Е. Долматовского. Много подлинного и хорошего пафоса у М. Алигер в ее попытках преодоления комнатного, интеллигентского мироощущения. Хороши детские стихи Михалкова. Заслуживают внимания отдельные стихотворения Лебедева, Симонова, Стрельченко, Черноморцева, Шпирта.

Но даже в лучших стихах этих поэтов нет того большого, органического оптимизма, которого ждет от них советский читатель. Отдельные удачи еще резче подчеркивают вялость, анемичность других участников сборника.

Еще два замечания.

Первое. Редакция сборника шла по линии наименьшего сопротивления. Она руководствовалась принципом количества, а не качества. Совершенно непонятно, как могли попасть в довольно ответственную антологию молодой поэзии стихи Абросимова, Бондаревского, Замятина, Кейхауза и т. д., стоящие еще на очень низком творческом уровне.

Второе. Совершенно необходима гораздо более внимательная и квалифицированная редактура. В этом смысле издание книжек молодых поэтов внушает законную тревогу. Уже в книгах Долматовского «День» (редактор Луговской) и во «Второй книге стихов» С. Васильева (редактор Уткин) можно было встретить много сырых, малограмотных строчек. То же самое в полной мере можно сказать и о «Молодой Москве». Когда Сидоров пишет: «День до вечера потел», или когда у Бондаревского встречаешься с такими перлами, как

Не узнать лица
У седого мельника
Ивана

— то это уже граничит с элементарной малограмотностью, и совершенно непонятно, как редактура пропускает такие строчки.

Молодым поэтам, напечатанным в сборнике, надо понять, что должно начаться серьезное, взрослое творчество, со всей ответственностью за себя и за читателя. Те, у кого имеются уши и подлинное поэтическое сердце, услышат и поймут. Остальным придется забыть о кличке «молодой поэт» и заняться другими делами. Жизнь не ждет. Требования читателя растут изо дня в день. В советской поэзии останется только тот, кто сумеет своим творчеством ответить на эти возросшие требования.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1820 г. Высылка Пушкина из Петербурга

18/6 мая 1820 г. по распоряжению Александра I Пушкин был выслан из Петербурга в Екатеринослав. Этой сравнительной легкой ссылкой Пушкин отделался только благодаря вмешательству своих влиятельных друзей: Карамзина и Жуковского.

В начале 1820 г. Пушкин пренебрегал всякой осторожностью. Его стихи «Вольность», «Деревня» и др. были известны едва ли не каждому грамотному человеку. Его эпиграммы на царя и высших сановников в несколько дней становились известными всей столице.

«В одно прекрасное утро, — рассказывает И. Пущин, — полицеймейстер пригласил Пушкина к графу Милорадовичу, тогдашнему петербургскому военному генерал-губернатору. Когда привезли Пушкина, Милорадович приказывает полицеймейстеру ехать в его квартиру и опечатать все бумаги. Пушкин, слыша это приказание, говорит ему: «Граф, вы напрасно это делаете. Там не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мне перо и бумаги, я здесь же все вам напишу»... Пушкин сел и написал все контрабандные свои стихи».

Пушкину не легко было заручиться поддержкой Карамзина. Карамзин взял с него слово, что в течение двух лет он не будет писать ничего противоправительственного. «Я просил об нем, — писал Карамзин И. Дмитриеву, — из жалости к таланту и молодости: авось будет рассудительнее: по крайней мере дал мне слово на два года». Сам Пушкин тоже подтверждает это обещание. В 1825 году в письме к Жуковскому он пишет: «Я обещал Н. М. (Карамзину) два года ничего не писать противу правительства». Но сдержать обещание Пушкин был не в силах. Уже в 1821 году он прислал из Бессарабии «Кинжал».

1912 г. Умер П. Засодимский

25 лет назад, 17 мая 1912 года, умер П. В. Засодимский — известный писатель-народник. Засодимский начал печататься в 1867 году. Примкнув к народникам, Засодимский изучает крестьянскую среду и пишет романы: «По градам и весям», «Степные тайны», «Хроника села Смурина».

В этих произведениях он рисует рост кулацкого влияния в деревне и никчемность тех мер, которыми народники-идеалисты надеялись оградить крестьянскую массу от расслоения и разорения. Большой успех имели детские повести и рассказы Засодимского.

Засодимский не был писателем большого дарования.

В его произведениях нет четко разработанного сюжета, редко встречаются яркие образы.

Но искренность и правдивость изложения и глубокое знание описываемой среды заметно выделяли книги Засодимского на общем фоне народнической литературы.

Отдельные же его произведения были очень удачны и имели большой успех. Об одном из его рассказов («Перед потухшим камельком») писал Л. Толстой: «Рассказ прекрасный... хватает за сердце. Прочел его про себя, а другой раз своим домашним, так он мне понравился. Это то самое искусство, которое имеет право на существование».

1912 г. Умер Б. Прус

19 мая 1912 года умер известный польский писатель Болеслав Прус. Многочисленные его повести и романы из народного быта, ярко окрашенные гуманизмом и сочным юмором, составили ему славу польского Диккенса.

В истории польской литературы Прус является одним из крупнейших представителей позитивизма, — течения, возникшего после разгрома восстания 1863 года и стремившегося к примирению с действительностью.

Все значительные произведения Пруса («Кукла», «Дети», «Форпост», «Фараон») и большинство его рассказов переведены на русский язык.

Дискуссия о романе Ф. Панферова «Творчество»

Дискуссия ещё не закончена. Но выступления, имевшие место на двух первых вечерах (8 и 13 мая), позволяют уже подвести некоторые итоги.

Из 15 человек, высказавшихся до сих пор на обсуждении, только один оратор занял отрицательную позицию в отношении романа — т. Н. Асеев. Он признает, что в «Творчестве» проявляется сильное дарование писателя, но лично его не удовлетворяет отсутствие авторского контроля над материалом, излишняя физиологичность в ряде описаний, наличествующие в романе элементы натурализма.

Остальные же ораторы, расходясь временами в частностях, в трактовке тех или иных деталей, оказались единодушными в признании «Творчества» как большой удачи Панферова. Тт. С. Динамов, Скиталец и др. отмечают, что язык романа значительно отличается от языка прежних частей «Брусков», окончанием которых «Творчество» является. Он освобожден от шлака, от провинциализмов и заметно индивидуализирован у большинства героев произведения. Правда, не все еще благополучно и в этом отношении, не может еще Панферов, по мнению докладчика И. Разина, освободиться от пристрастия к грубым словечкам, подаваемым иногда в избыточном количестве.

Но все это легко устранимо. И когда это будет сделано, еще ярче выступят основные особенности романа, на которых останавливаются все ораторы: его страстная партийность, смелость изображения трудностей коллективизации, широта охвата действительности, убедительность художественных обобщений. Тов. А. Макаренко, А. Гидаш и др. характеризуют «Творчество», как книгу большой идеи, раскрываемой в живых, правдивых образах. Жгаркин, Гурьянов, Стеша — люди, подкупающие тем, что они, по определению т. Макаренко, нисколько не смахивают на тех «колхозных святош», которые долгое время прочно бытуют в нашей литературе. Панферов не боится наделять даже любимых своих героев несимпатичными чертами, при чем делается это не с целью «уравновесить» в человеке дурное и хорошее, а исключительно из желания быть до конца правдивым, показывать жизнь, как она есть.

Одной из лучших побед Панферова, как художника, является по мнению выступающих, образ Стеши. Это один из самых обаятельных образов новой женщины в советской литературе. Хорошо дана в книге и галлерея вредителей, врагов народа—Жаркова, Лемма, Баха (в последнем легко распознать облик Авербаха) и др. Для изображения этой группы Панферов нашел в себе, по словам т. С. Динамова, много ненависти, полемической страстности и политического такта. Некоторые из ораторов, в этой связи, проводят аналогию между «Творчеством» Панферова и «Закономерностью» Вирта и приходят к выводу, что преимущество должно быть отдано первому роману. Следует, однако, отметить, что ораторы делали свои выводы, еще не ознакомившись полностью с «Закономерностью» (опубликованы пока только первые части этого романа), и очень мало аргументировали свои положения. Но самая идея дать сравнительный анализ двух произведений, где впервые делается попытка, в свете новых данных, показать троцкистскую свору, должна быть, безусловно, поддержана критикой.

Много внимания было уделено на обсуждении изображению в романе вождей партии и народа. Всем ораторам импонирует смелость Панферова, взявшего на себя такую ответственную задачу. Тт. Скиталец и Крайский считают, что эта смелость себя оправдала. На другой точке зрения стоят тт. Макаренко и Динамов. Тов. Макаренко усматривает здесь много существенных недостатков. Тов. Динамов считает, что книга не дает и четкого зрительного ощущения образа вождя: в этом смысле большей удачей, например, являются воспоминания летчика Байдукова в № 4 «Октября».

Есть в «Творчестве» и ряд других недостатков, подчас довольно крупных. О них много говорилось на обсуждении. Но все же, утверждают единодушно все выступающие, эти недостатки не дают права недооценить нового романа Панферова, как крупного явления в советской литературе.

О том, что читатели уже оценили это явление, свидетельствует их повышенное внимание к самой дискуссии: в течение двух вечеров обсуждения «Творчества» зал ДСП был полон. Но тщетно ждала аудитория дважды уже обещанных выступлений тт. Юдина, Ставского, Кирпотина.

Продолжение дискуссии состоится 19 мая.

Т. М.

Издательство «Academia» выпускает «Повелитель блох» Э. Т. А. Гофмана с иллюстрациями художника Феофилактова

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

СРЕДИ КНИГ

Как издавать классиков? Этот вопрос волнует не только товарищей, стоящих у кормила издательств, но и тех, кто у этого кормила кормится. И поскольку заинтересованных в этом деле лиц не так уж мало, мы решили опубликовать краткий труд, включающий в себя вдумчивые наблюдения над деятельностью наших издательств, дабы впредь они издавали классиков на твердых научных началах.

Еще недавно издатели относились к классикам в высшей степени небрежно. Как только им попадалось в руки полное собрание сочинений, они поскорее отправляли его в типографию, печатали, переплетали и спешили сбыть с рук. Из каких-то странных побуждений, очевидно подыгрываясь к читателю, они старались даже самые толстые романы втиснуть в один переплет. И что же из этого получалось? Читатель покупал сразу весь «Пиквикский клуб» и засаживался за чтение.

Такое отношение к читателю явно нездоровое. Современная издательская техника заботиться не только об умственном развитии читателя, но и его физическом воспитании. Вредно засиживаться за книгой! Издательства разработали сейчас особую систему физкультурной зарядки для читателя: бег на короткие и длинные дистанции в зависимости от расположения книжных магазинов в вашем городе.

Для этого любой роман делится на несколько томов, и каждый том издается отдельно.

Сперва издается первый том.

Читатель немедленно покупает его и ждет второго. Но когда выйдет второй — неизвестно. Может быть, завтра, может быть, через год, а может и через пять лет.

Как известно, первый том Гольдони «Academia» выпустила в 1933 году, а второй — в 1937 году. И все эти четыре года неутомимый читатель рыскал по книжным магазинам, дышал свежим воздухом и закалял свое терпение.

Вот уже три тысячи дней читатель бродит по книжным магазинам в поисках очередного тома «1001 ночи». Но «1001 ночь» — это еще куда ни шло: растягивать эти сказки — своего рода литературная традиция со времени сказительницы Шехерезады.

Но та же самая «Academia» с такой же стойкостью тянет издание «Петербургских трущоб».

Как известно, этот роман написан давно и переводить его с арабского не надо, не нуждается он и в персидских суперобложках, и все-таки «Academia» не забывает заботиться о читателе, отпуская ему ровно по одному тому этих «Трущоб» на год.

И мечется наш ретивый читатель по магазинам, благословляя на-бегу издательство.

★

Надо сказать, что издательское колесо все же поскрипывает и, хотя издатели достигли высоких пределов совершенства, тем не менее иногда у них замечаются оплошности: зазевается издатель, залюбуется своей работой, и подмахнет к печати сразу оба тома «Виргинцев». Что же это такое? Неужели они и в книжный магазин придут неразлучной парой? Не тревожьтесь, дорогие товарищи, это дело легко поправить. В подобных случаях издательство «Academia» задерживает один том на несколько дней и выпускает его в продажу только после того, когда другой том уже распродан.

Правда, иногда читателю, если он видит в магазине одни только первые томы, взгрустнется.

— Чорт его знает, найдешь ли еще второй, — ворчит читатель у книжного прилавка.

В таких случаях полезно читателя приободрить, выпуская томы вразбивку.

К примеру, Ленинградский гослитиздат с большим остроумием выпустил сначала второй том «Избранного Горького». Сколько тут было радости для читателя!

«Неужели, — вопил он, — я пропустил первый том? Обычно я упускаю вторые!».

А первый том появился на книжном прилавке через несколько недель, и вы представляете себе, какие произошли тогда приятные неожиданности: его немедленно раскупили новые покупатели, весело насмехаясь над обладателями второго тома.

Конечно, издавать вразбивку двухтомники довольно скучно: никакого простора издательской фантазии.

Другое дело — многотомные собрания сочинений. Какие хитроумные комбинации может составить изобретательный издатель: сперва выпустит шестой том, потом второй, потом восьмой, потом одиннадцатый, потом первый, — вот именно так Ленгослитиздат издает Стендаля. Попробовали мы собирать этого Стендаля, но у нас прямо голова закружилась от такой путаницы — не знаем, какой том вышел, какой — нет.

Все вышерассказанное свидетельствует о громадном удобстве многотомных изданий.

★

Но забота издательства о читателе не ограничивается механическим делением одного романа на дюжину томов. Немалую роль играет и художественное оформление книги. Опять-таки к этому делу нельзя подходить упрощенчески: набрать все томы собрания сочинений одним и тем же шрифтом и переплести в одинаковые переплеты. Какое унылое зрелище представляет собой Шекспир в издании Брокгауза и Ефрона! Все пять томов одного роста, одной толщины, в одинаковых темных переплетах и с одинаковым золотым тиснением на одинаковых корешках.

А посмотрели бы на гослитиздатовского Стендаля. Какое разнообразие оттенков на корешках: сперва белые, потом бежевые, потом канареечные.

Один том потоньше, другой потолще, один пониже, другой повыше.

Или возьмите собрание сочинений Салтыкова-Щедрина — здесь на переплетах столько расцветок коленкора, что прямо хочется поставить книги не на книжную полку, а на витрину мануфактурного магазина. А вот рядом с Салтыковым-Щедриным стоит «Библиотека поэта». Какие причудливые размеры у каждого тома — тут и великаны — поэты «Искры», тут и коротышка — Полонский.

Очень эффектно и новое издание Белинского Гослитиздата. Первый том — тонкий, высокий и зеленоватый, второй, наоборот, пузатый, приземистый и темносиний. Какой будет третий — просто дух захватывает! А тот же самый двухтомник Горького. Как прелестно сочетается лазоревый корешок первого тома с темносиним корешком второго?!

★

На этих теоретических соображениях мы и заканчиваем наш краткий курс издательской практики. Конечно, его можно было бы и продолжить, фактов у нас хоть отбавляй, — стоит только взглянуть на наши книжные полки.

Эх, посмотрели бы вы, товарищи Накоряков, Янсон и Лазарь, на наши горемычные книги, на этих вдов и сирот, на калик-перехожих, — посмотрели бы вы и — покраснели бы!

КОБРА

Библиотека антифашистской литературы

Издательское т-во иностранных рабочих выпускает на немецком языке библиотечку маленьких книжек «Die Vegaarbücherei». В этой серии печатаются рассказы и отрывки из произведений антифашистских писателей, которые знакомят читателей с борьбой революционных рабочих против фашизма.

Об'ем каждой книги — не более трех печатных листов. Цена от 20 до 50 копеек. Тираж — 15.000.

Первым в этой серии вышел очерк **Анны Зегерс** «Последний путь Коломана Валлиша», уже известный советскому читателю по русскому переводу.

Издаются также рассказы: **Фрица Эрпенбека** «Мушкетер Петерс» — о вооружении фашистской Германии; **Петера Каста** «Борьба за границу» — о революционной борьбе немецких рабочих и «Амнистия» **Александра Барта**, представляющая собою злую сатиру на венгерскую контрреволюцию.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Пустующий дом

Писатели по праву могут гордиться своими домами отдыха и творчества. Страна отдает под эти дома лучшие участки, замечательные парки, дворцы. Ялтинский дом творчества — один из самых удобных, комфортабельно обставленных домов Литфонда. Нельзя не отметить прекрасного обслуживания писателей в этом доме. Директор дома т. Хохлов — дельный и энергичный человек, крепко заботится о том, чтобы писателям лучше работалось. Этим же сознанием проникнуты все работники дома.

Хорошо в Ялтинском доме и работать и отдыхать.

Но дом этот никогда еще не был заполнен целиком. Были времена (зимой), когда в доме жило **пять** писателей. Как правило, половина комнат пустует. И сейчас, в это чудесное время, в Ялтинском доме почти десяток комнат пустует.

Кто же виноват в этом безобразии? Может быть писатели не хотят ехать в Ялту? Ничего подобного.

В Литфонде вы обнаружите несколько десятков заявлений писателей с просьбой дать им путевки в Ялту.

Путевки **не даются.** Почему? Правление Литфонда придерживается нигде не записанного отвратительного закона «в Ялту путевки давать не всем».

Есть, стало быть, круг каких-то литераторов, которые могут ездить в Ялту, и есть литераторы, которые, мол, «и так обойдутся». Ведь это же факт, что молодой писатель В. Курочкин получил путевку в Ялту после долгих разговоров в правлении Литфонда. Критик Дерман — пожилой, слабый здоровьем человек, жил в самой худшей комнате.

Рядом пустовали хорошие комнаты, но Дермана в одну из них перевести почему-то не могли. Комнаты эти, повидимому, «приберегались» для «высоких особ».

Дома отдыха и творчества предоставлены партией и советской властью для **всех** членов союза писателей. Каждый из них имеет равное право работать или отдыхать в любом доме Литфонда.

Всякие деления на ранги должны исчезнуть. Необходимо также изменить порядок выдачи путевок. Сейчас некоторые писатели бронируют себе путевки, а потом отказываются от них. Комнаты в доме тем временем пустуют.

Надо установить такие же правила выдачи путевок, какие имеются уже во всех иных организациях (КСУ, профсоюзы и т. д.).

Н. ВИРТА

Забота о «высоких персонах»

Литфондовский дом в Ялте называется Домом отдыха и творчества. Я и ехал туда отдохнуть и в то же время работать.

В Москве, в правлении Литфонда, выдавая мне путевку, т. **Беленькая** спросила, согласен ли я получить комнату № 22. Я ответил, что никаких сведений о комнатах ялтинского дома не имею и всецело полагаюсь на рекомендацию Литфонда.

Тов. Беленькая, обратясь за справкой **к т. Гальперину,** хорошо знающему ялтинский дом, с его слов заверила меня, что «комната великолепная», после чего я тотчас согласился на нее и получил путевку.

Когда по приезде в Ялту я пред'явил ее приветливо встретившим меня работникам обслуживающего персонала, на их лицах появилось грустное выражение, горькое значение которого для меня я вскоре понял.

Комната № 22 явно непригодна для отдыха и еще менее для творческой работы: площадью с ладонь, с окном на север, она вдобавок расположена рядом с уборной, «деятельность» которой слышна в комнате положительно с гнусной отчетливостью!

Помещать в такую комнату не только писателя, намеревающегося работать, но и вообще кого бы то ни было, можно лишь с целью оскорбить человека. На мое телеграфное обращение в правление Литфонда с просьбой заменить комнату, последовал за подписью того же т. Гальперина отказ: «все комнаты распределены».

В Доме отдыха в это время пустовало 5—6 комнат. Я попросил директора дома **Я. Ф. Хохлова** разрешить мне поселиться в одной из них, обязываясь освободить ее, когда явится жилец с путевкой на эту комнату.

Директор отказал: он не вправе менять комнаты, назначенные Литфондом.

Вскоре, однако, я убедился, что директор не всегда столь непреклонен. Когда приехал член правления Литфонда **Б. С. Ромашов** с путевкой на прекрасную комнату № 20, директор разрешил ему поселиться в другой, более ему понравившейся, ради чего произвел широкую передвижку жильцов, в результате которой несколько писателей вынуждены были поселиться не в тех комнатах, которые были обозначены в их путевках.

Если к изложенному добавить, что до самого от'езда моего из Ялты в доме пустовало 5—6 комнат, то картина обращения т. Гальперина и директора Дома отдыха со старым писателем предстанет в довольно неприглядном виде, как открытое лицеприятие крайне несправедливое по существу и грубое по форме.

Я видел в Доме отдыха очень много внимания к себе со стороны персонала, и мне крайне неприятно было излагать перед писательской общественностью этот эпизод.

Но я не считал себя вправе о чем умолчать: каждый из нас обязан искоренять внедрившееся в практику Литфонда деление писателей на «влиятельных» и «невлиятельных», равно оскорбительное для достоинства тех и других.

А. ДЕРМАН

Античное искусство

Сессия ИКП литературы

Институт Красной профессуры литературы при ЦИК СССР проводит сессию, посвященную вопросам античного искусства.

В сессии примут участие профессора Н. А. Кун («Народные основы греческой мифологии»), С. И. Радциг («Жизнь Эллады и стиль античного искусства»), С. С. Динамов (О «вечной прелести» античного искусства), Н. Ф. Дератани («Прометей» Эсхила), И. М. Нусинов («Образ Прометея в мировой литературе») и А. К. Дживелегов («Античность в культуре Возрождения»).

С докладом о Горации, к 2000-летнему юбилею, выступит Г. Рольф Хемфрай (Америка).

На сессии будут освещены еще темы: «Образ человека в искусстве древней Греции», «Варваризация античности германским фашизмом», «О народности «Илиады», «О реализме литературной формы Гомера» и др.

Сессия откроется 19 мая в помещении ИКП литературы (Метростроевская, 53) в 7 ч. вечера.

ПОПРАВКА

В № 19 «Литературной газеты» от 10 апреля в заметке «Дом Маяковского» было напечатано, что отв. секретарь ССП т. Лахути не явился на заседание Совнаркома СССР 29 января с. г. для участия в обсуждении вопроса о Доме Маяковского.

Установлено, что в этот день т. Лахути был серьезно болен и явиться на заседание не мог. Тов. Лахути принял необходимые меры, чтобы обеспечить явку представителя ССП на заседание.

Таким образом, упрек в адрес т. Лахути является необоснованным.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.
РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

А. ЖУЧКОВ

Литературный и идейный брак

Вышел из печати третий альманах **«Литературный Саратов».**

Альманах открывается повестью **Д. Борисова «Камер-юнкер».**

Автор рассказывает в повести о мучительном для А. С. Пушкина 1834 годе, когда Николай I издевательски пожаловал поэту чин камер-юнкера. Но лучше бы, как говорится, автор об этом не рассказывал. Бесцветность изобразительных средств, многословность — вот какие черты характеризуют повесть. Чувствуется, что Борисов писал повесть наспех, кое-как, без серьезного и вдумчивого отношения.

Почему бы, однако, Борисову не напечатать недоработанное произведение, если один из редакторов альманаха и один из руководителей саратовского отделения писателей **И. Кассиль** в этой же книжке напечатал халтурную и политически вредную повесть **«Крутая ступень».**

О художественном «вкусе» И. Кассиля, о «красоте» его слога, об уменьи «просто и ярко» выразить мысли можно судить по таким перлам:

«...Пробовал мурлыкать под нос различные мотивы. Но как мысли, разбросанные и анархичные, сводились в конечном счете к одной, так и разношерстные мотивы скрещивались в итоге в один, переплавлялись в «О, эти черные глаза».

«Измайлов вдруг перестал ходить, остановился и стал строить воздушные замки».

«Там толпился народ, видимо давно ожидающий прихода почтового. «Гражданин» у самых пристаней подходил задом».

«В вузе Измайлов обрел идеологию, вступил в комсомол и сильно увлекся философскими дисциплинами».

Щеголяя подобными перлами, И. Кассиль в своей повести опошляет жизнь партии, искаженно показывает жизнь студенчества.

Героем повести автор вывел преподавателя диамата Измайлова. Измайлов шкурник и карьерист. Заветной мечтой его является мечта пролезть в партию и с помощью партбилета сделать научную карьеру.

Когда Измайлов в горкоме ВКП(б) узнает об отказе в приеме его в партию, он воспринимает это как крушение своих планов. «Последняя надежда лопнула».

Как будто фигура Измайлова совершенно ясна.

Однако вместо того, чтобы разоблачить этого шкурника, блокировавшегося с матерым троцкистом Ноготковым, И. Кассиль выводит его положительным героем.

Автор доказывает, что Измайлов достоин быть коммунистом. Повесть заканчивается разговором секретаря парткома с Измайловым о приеме в партию.

«В комнату вошел секретарь парткома Рубцов. «Ну, как, Николай, оформил все?»

— Да, — радостно сообщил Измайлов. — Вот рекомендация от Коровина, которого я когда-то выращивал, а вот от Кошелева, Бойченко, Круглякова, которые меня выращивали. Последняя рекомендация от райкома комсомола. Я ведь еще числюсь в комсомоле».

Руководители парторганизации (секретари горкома) изображены карикатурно. Новый секретарь горкома Беляев дан в повести человеком, покрывающим деятельность троцкистов. На партийном собрании, например, Беляев по поводу иезуитской работы троцкиста Ноготкова (пытавшегося чудовищно извратить директивы партии) ограничивается только замечанием: «Ноготков сыграл в этом вопросе нехорошую (?) роль».

А отношение Беляева к Измайлову? Он оценивает Измайлова как грамотного, культурного и очень активного человека.

Студенты и преподаватели института показаны или обывателями (физик Шиловцев), или негодяями (студент Верещагин), или выполнителями троцкистских планов Ноготкова (студент Зарницын).

Студенты учатся плохо, студенты-коммунисты — хуже всех.

Авангардной роли коммунистов совершенно не чувствуется. Напротив, им даются какие-то льготы. Чем больший, видите ли, студент имеет партийный стаж, тем больше занятий он имеет право пропустить, да вдобавок еще требовать оценки не меньше, чем «хорошо».

Все это — явная клевета.

Описывая заседание кафедры института, И. Кассиль допускает прямо контрреволюционный выпад.

Нам известно, что кое-кто из саратовских писателей указывал И. Кассилю на вредность повести. Но, как видно, с этими указаниями Кассиль не посчитался. Что это? Зазнайство или стремление протащить в печать политически вредное произведение?

Художественный уровень стихов альманаха очень низок. Саратовские поэты, видимо, не желают серьезно и вдумчиво работать. Из альманаха в альманах они печатают полуграмотные стихи, перепевают самих себя, усиленно квалифицируются по части литературного бракодельства.

Как правило, каждое стихотворение непомерно растянуто, недоработано, уснащено неграмотными строчками.

Николай Корольков в стихотворении «Памятник» очень удачно определил качество и своих стихов и стихов других саратовских поэтов:

«В своих стихах
Похож я на детей,
Играющих в песке...»

У того же Королькова встречаем такие строки:

«Как, однако, судьба неправа от поры до поры». «Такие незнаемые боли», «Он обязанным был оберегаться от этой напасти».

Или:

«Если бы только бы в силах,
Он выправил заново б спину,
Вырвал с корнем всю хворь,
Словно зуб из тупой бороны!
Временами ему
Колоски из полей приносили,
Раскрывая ладони,
Зернистою новью полны».

В стихотворении «Сын» Корольков, не задумываясь, пишет:

«Засучив рукава,
Он садится за стол,
Молодой и красивый,
И крепкий, как дуб.
И мать подает ему
В миске простой,
Постелив полотенце, (?)
Хорошую еду».

До чего может довести неряшливое отношение к слову! Получается, что мать, постелив полотенце в миске, подает хорошую еду. Да и вообще, почему это стихи?

Стихи **В. Земного** «Мятежный кумач», «Подруге», «Полдень», по неграмотности и безвкусице, как две капли воды, похожи на стихи Королькова.

«Уже не видел человек
Ни звезд, ни стяга, ни метели,
В его зрачки, за мрамор век (?)
Снежинки чистые летели».

Или:

«И было утро. Люди спали
Уснув навеки за квартал».

В поэтическом экстазе он наскоро рифмует «Уфы» с «травы» и кричит:

«Дай мне руки на минутку,
Дай мне губы... Нет постой!
Я ладонь на сердце брошу».

Или:

«Скоро в город выйдут села,
В села двинем города» (?!)

Или:

«На две тысячи прироста —
Воздвигается квартал».

О стихах **И. Москвичева** и **Б. Озерного** можно судить хотя бы по таким строчкам:

«В рощах осень,
Бродят тучи с лейкой».

Или:

«Скоро ночь,
И чувств затихнет улей
Я в обойму мысли заложу»...
(И. Москвичев «Почта на границе»).

Или:

«В окно мухой жужжащей
бьется рассвет».

Или:

«Ходила, просила кусок
Унижаясь
У присольских (?) окон села».

Или:

«Не увидев конца,
Своей честной мечты»
(Б. Озерный. «Мать»).

Третья книга альманаха «Литературный Саратов» свидетельствует о том, что саратовские писатели не растут, не работают над собой. Да и что им собственно стараться! Кассиль и Земной — члены редколлегии альманаха и члены правления саратовского отделения ССП. Ну, а своя рука, как известно, владыка!

А в результате получается литературный и идейный брак.

Уполном. Главлита В—26126.   Типография газ. «За индустриализацию», Москва, Цветной бульв., 30.